

Владимир
Данилушкин

**Из Магадана
с любовью 2.0**

Владимир Данилушкин
Из Магадана с любовью 2.0

«Издательские решения»

Данилушкин В. И.

Из Магадана с любовью 2.0 / В. И. Данилушкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831803-0

Свежая версия популярной книги, которая разошлась по примерно 30 электронным библиотекам и вызвала читательский интерес. Рассказ «Снег на голову» перепечатан в «Библиотечке „Нового мира“». В «бумажном» виде книга разошлась тиражом около 1000 экземпляров.

ISBN 978-5-44-831803-0

© Данилушкин В. И.
© Издательские решения

Содержание

Петропалыч	6
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Из Магадана с любовью 2.0

Владимир Данилушкин

© Владимир Данилушкин, 2016

© Максим Данилушкин, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-1803-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Петропалыч Повесть

*Хороший человек —
Почти профессия.
Хороший — и к нему процессия.
Я запишусь, мне очень надо,
А лучше
пусть придет на дом.
Мы побеседуем за чаем,
И он помочь пообещает.
И хорошо. И я спокоен.
А он уходит по двору.
Глядят мальчишки —
Кто такой он?
Потом в него
Придумают игру.*

Сокол ясный сизокрылый грянул оземь с высоты, только брызги. Облачко кровавое постояло, сгустилось, а из него я сам прыг-скок добрым молодцем, и жар по жилам зернистый – уфф.

Вот и секундный сон за всю беспокойную полетную ночь, колеса о бетонку тук-тук-рвак-чвак разбудили, зачастил секундомер в висках, а когда пропеллеры сменили направление вращения и регистр звука, кресло стало мягким и податливым – не оторваться. Наш рейс приземлился в порту Магадан, сказала девушка таким гордым тоном, что зашипало в носу. Хватит прохлаждаться! – гаркнул кошмарный голос во внутреннем ухе. Я вскочил, будто опаздывал на раздачу звезд с неба, пальто запахло и снова, как подкошенный, сполз в кресло, носом в шалевый воротник, пальцами, запекшимися в туристских ботинках, шевельнул – до боли в позвонках.

Теперь и поспать бы, с чувством исполненного долга! Конец пути, сейчас буду дома. То есть, не конец, а начало, одергиваю себя. И не дома, а в чужой семье. Пред светлые очи чужой жены, коль не смог найти совмещенный взгляд со своей. Зато, пройдя неминуемый карантин, смогу когда-нибудь вытянуться, похрустеть суставчиками, как спелыми огурчиками!

Пока вырুলивали и подавали трап, судорога стала сводить икры. Допрыгался. Повременить бы, примериться, с какой ноги ступить на новую землю. Увы! Сердце замирает, пересчитываю секунды. Подали трап, ощущается его толчок. А воздух здесь вполне пригоден для глубокого очищающего вдоха. Похолоднее, правда, чем в Новосибирске. И пахнет стерильным бельем.

С возрастающим нетерпением ожидаю момент, когда увижу Володю, и с одинаковой силой желаю, чтобы встреча не состоялась. Неважно, куда я при этом денусь. Мир не без добрых людей. Только бы не слышать вопросов, которые сам себе, как провинившийся школьник, не решаюсь задать.

Бросай все, начнешь с нуля, сказал по телефону мой старший друг, вызвав на переговоры, когда почуял неладное, через неделю денег выслал на дорогу, вот я и устремился. В день рождения мамы, кстати. Наверное, обиделась. Но, судя по тому, что с ней осталась морально растерзанная и насквозь больная сноха, перетопчется. Без меня легче найдут общий язык. Даже ни слова не произнося и дуясь друг на друга.

Мне бы у Володи поучиться укрощать женщин. И многому. Чем он берет? При животике и тощем росте 190 напоминает смычок с привязанным теннисным мячиком, а лицо, почти

безбровое, сероглазое в первых морщинках, за шесть лет, пока мы знакомы, по-бабьи оплыло, голос по телефону можно принять за женский. И меня он воспитывает совсем как старшая сестра. Огрызаюсь вот, любя.

Будь я скульптор, изваял бы его портрет из копченой горбуши, которую он привозил с собой на материк в отпуск, от чего тесная квартирка на улице Обской пропитывалась умопомрачительным лыжным запахом. Гостил день-два, чтобы, пошатавшись по большому городу, проследовать в родное село неподалеку от Камня-на-Оби, откуда начинались его странствия до Сахалина, Енисейска, Магадана. Всякий раз он совмещает северный длительный отпуск со сдачей сессии в университете, там-то и встретимся через месяц. Уж мы насладимся красивой жизнью и свободой.

В 14 лет уйдя из отцовского дома, Володя женился, у него уже двое детей, четвертая или пятая квартира. Поступил в музыкальное, окончил речное училище, а факультет журналистики вместе осиливали. Наша профессорша, баба Ага, давала диктанты, в которых и тридцать ошибок допустить было не зазорно. Володя делал две-три. Вначале было слово, твердил я с мистическим ужасом! Он на деле – удачливый, все хватает на лету. Кудрявый мой, жизнелюбивый товарищ. Иногда мне хочется встретиться с его отцом и поступить в воспитание, хотя главное уже не наверстаешь, я ведь тоже как бы убегаю из дому, но в гораздо более великовозрастном виде. Вообще-то отец у него учитель русского языка и натаскал сына на свой предмет, как сеттера на дичь. А может быть и впрямь, абсолютная грамотность связана с особым рода психическим здоровьем мозга, как пишут в умных газетах. Гениальность. К тому же, у него абсолютный музыкальный слух. Смесь взрывчатая. Будь у меня отец, да еще учитель, я бы тоже наловчился в запятых, бацал бы на пианино и уж точно сбежал из дома.

Володина мама утонула в реке, будто бы крикнув мужу в последний миг: «Степан, береги детей!» Выросши с мачехой, Вовчик тянется к моей матери, и та, встав в бронзовую позу, с удовольствием вчитывает: не сори деньгами! Хронически безденежный, отползаю на второй или третий план, в пасынки. Должно быть, чувствуя недоласканность Володи, она затопляет моего друга волнами приятия и восторга, отчего мне тоже становится хорошо, горжусь ею и таким прекрасным парнем, ниспосланным судьбой для многих приятных минут в стенах университета, без материнской тирании я глотну свободы, водки и все такое. Возвращаясь с сессии к обычной жизни, становишься как бы ниже ростом, теряешь уверенность даже в таком предмете, как выбор девчонок. А сегодня положение усугубляется тем, что диплом уже получен и впереди ничего равноценного не предвидится.

По замыслу мамы, Володя должен был поруководить моей женитьбой. Но поезд ушел и железными колесами отрезал нечто важное, не подлежащее восстановлению. Может быть, кусая я локотки, без материнского благословения не получилось выжить нашей новорожденной девочке, да в редакции военной газеты, куда я устроился в надежде получить жилье, не сложилось, о чем, кстати, жалею меньше всего. И так, по мелочам.

Володя прождал меня в аэропорту из-за задержки рейса лишних два часа. Не огорчился, мол, по месяцу на Чукотке высиживал, привыкай. Набрал воздуха, бухнул главное: «А ведь Тамара уехала на сессию!» Понимая, какая симфония неловкости отодвигается на более позднее время, я возликовал. Во мне будто капкан разжался, впервые за много месяцев, с той поры, как мы все (она, она, я) поняли, что у нас будет ребенок, но не обрадовались, а ополчились друг против друга. Дитя, пришедши в белый свет, на другой день ушло, оставив нас с ненавистью и гордыней. С болью, тоской. С готовностью карать за эту смерть. Никогда не забуду мертвое тельце в белой пеленке. Пусть разбудят ночью: готов ли понести по всей строгости... Да, готов – в ледяную прорубь земли. Я, быть может, и оказался в Магадане как бы в добровольной ссылке, правда, никому не собираюсь об этом говорить, чтобы не сочли пижоном и не смеялись в лицо.

Наконец – то выдают багаж. Рыжий фибровый чемодан устремляется ко мне всеми своими фибрами, выражая потертыми боками готовность помочь, как делал это шесть лет на сессиях. Продолжим наши игры, говорит мой старший друг. Упадем мордой в юность, вторю я!

Горы в снегу – белейшие, слепящие – вот что поражает меня, выросшего на равнине, сердце замирает, как при первом полете на реактивном самолете, уши в автобусе закладывает, жаль, не с кем поделиться изумлением. Володя бубнит про поселки, где заключенные, недавно один сбежал в пустотах железобетонной панели, где строители Колымской ГЭС, скоро ее запустят, где совхоз, там самые высокие в стране привесы, а напротив «Орбита», две программы. И еще новый аэровокзал, который скоро сдадут, поскольку ждут приезда Косыгина. Эх, не успел ты на концерт Козина, старику разрешили выступить в честь юбилея, а как оно дальше сложится, семьдесят лет – не фунт изюма. Пытаюсь удержать все это в памяти, голова разбухает, а дорожная бессонница бросает в глаза кровавый туманец.

Когда я был семнадцатилетним, не мог всерьез и долго горевать. Даже любил нагонять на себя горечь, зная, что неминуемо и скоро минус поменяется на плюс, и радость настанет без предупреждения, хлынет, как эфир из раздавленной ампулы. Жду и теперь такого чуда. Володя дает мне возможность почувствовать себя младшим братом, беззаботным, легким, которому все позволено без присмотра старших. Нет же, не собираюсь я забывать о своих печалях, но дайте дух перевести. Так устал быть мужем – бездарным, но все же. И сыном одновременно. Перестав быть студентом-заочником. Володя, конечно, тоже скучает по той загульной поре, потому и вызвал меня, для антуража. Рядом со мной насладиться своей величиной.

Великолепно, что не надо вставать среди ночи, по очереди к двум женщинам – молодой и не очень, успокаивать их, каждую по-своему. Раньше как казнили: привязывали за руки-ноги к вершинам двух берез, пригнутых к земле, и отпускали. Вот и меня. Березки мои родные! Душу мне разорвали, твержу я, как бы слова ненаписанного романа.

А вот и город, весь в блюде, как не раз описывал Володя. Несколько улиц в сопках, общим очертанием напоминающие бумеранг? Ты его брось, а он вернется. От него не убежишь. Над городом обещанный смог – из-за труб котельных и близости моря. Будто бы угадываю одну из двух бухт, но другой смысл проклеывается из произнесенного слова – смог. Я теперь все смогу – выкарабкаюсь из неудач. Шепчу как заклинание. Володя глядится победителем, он не считает этот город маленьким и невзрачным.

От автовокзала на другом автобусе поднялись к телевизшке, опять с непривычки заложило уши, к дорожной тошноте примешалась досада, что город так быстро кончился. За что же, простите, боролись?

Меня ждали дети Володи: трехлетняя Светка и семилетний Ленка, быстрые, как мурашки, таскали тарелки, хлеб и все, что надо для застолья, не по-детски совершенные движения делали их похожими на карликов, отбывающих учебное наказание.

Володя продемонстрировал, как дистанционно, не вставая с дивана, включает, воткнув в штепсель, старенький телевизор, и вот мы уже пьем лучшую в мире магаданскую водку, заедая магаданской селедочкой из маленьких консервных баночек и черным заварным ароматным хлебом. Алкогольное возбуждение охватывает меня, накладываясь на привнесенное бессонницей утомление, и само время зависает, останавливается в мозгу, переполняя пещеры черепа разноцветным эхом. Не могу отвязаться от ощущения, что засел тут уже не менее недели, и надо сдавать экзамен по питию, за все шесть курсов, плюс установочная сессия. Что же станет через минуту, куда скачусь легкой бусинкой с огромной выпуклой линзы льда под названием Магадан?

Володя предлагает отведать крабов с темным магаданским пивом, его варят с ветками кедрового стланика, попутно объясняет, что такое краболовки и Атарган, на морском мелководье которого водятся ходячие восьмиллапые деликатесы. Там опасно, убеждает он себя, недавно, затонул узик, провалившись в полынью, а сколько раз отрывало льдину с рыбаками!

Льдина – не то слово, большое ледяное поле, которое не сеют, не пашут, а пожинают магаданские просоленные и замороженные мужички. Заметив в моих зрачках нечто стоматологическое, Вовчик жмурится, радуясь произведенному впечатлению, роль хозяина, принимающего гостя, увлекает его широкими перспективами.

– Оленинкой тебя побалую. Корюшкой, она огурцом пахнет. Здесь жить можно, люди своеобразные, не заскучаешь. Или уж очень хорошие. Или полное дерьмо. Середка на половинку не бывает. А хочешь, покажу, как Володя Ким палочками лапшу ест? Он кореец, а цыганские песни поет – слезу вышибает. К Светке Болконской зарулим. А у Ген Геныча, умора, в телевизоре таракан живет дрессированный, замахнешься, отскакивает. Или сначала к Азерникову, наш земляк, сибиряк, четвертый раз женился и каждой жене по квартире оставляет. Я про него сочинил: а роза упала на лапу Азера. Во! Чувешь! – Возбужденный собственным возгласом, опять что-то обнаруживает на моем лице и перебивает себя: – Братва, слушай мою команду: со стола убрать! И чтобы порядок!

Мы медленно сползли с пятого этажа. Я скользил в своих туристских ботинках по льду, а ведь был уверен, что смогу в них карабкаться к тернистым вершинам. После нескольких моих припаданий на одно колено Володя заявил, что никто не заставляет биться, как рыба об лед в буквальном смысле. Слово «рыба» производит на него такое таинственное действие, что, очнувшись в очередной раз, мы оказываемся в чужом подъезде.

Дверь открывает не очень молодой человек с ножом в руке, оборвав Володю нетерпеливым жестом заики, трогает меня за рукав и увлекает на кухню. Серебристая рыбка длиной с карандаш, как я догадался, корюшка, оттаивает в мойке, а затем на ладони. Он поднес ее, сверкающую ртутным блеском, к моим глазам, взял самодельный ножик, этакий кинжальчик, ласково вонзил в брюшко, вынул внутренности, они засветились ярким голубоватым светом, напомнив светлячка.

– Что это, Петр Павлович?

– Петр Петрович. Ребята из баловства кличат Потрепальчем. – Причем тут свет, планктону, надо полагать налопалась, понюхай лучше.

– Огурцом пахнет, – сказал я, чтобы доставить ему удовольствие.

– Вот видишь, – Володя взвился, будто он эту корюшку родил. Как же знатока не разыграть. – На Гертнера ходил?

– Я с Солнцевыми. За Кедровым ключом. Спасибо, не дают старику духом пасть. – Стариком назвался без рисовки. Похожую физиономию я видел на фотографии времен войны: жилистый, с ввалившимися щеками, ездовой. Правда, он-то в войну молодым был.

– Ну ладно, двинемся, – неожиданно заявил Володя. – Мы просто так заходили. По городу гуляем. Друга Кольку с материка вызвал.

– Не-не, – постоит. А на вкус? – Отрезал кусочек с хвоста, обмакнул в соль и протянул мне ко рту, будто я нерпа и должен взять не рукой, а зубами. Я сжевал предложенное, но повторить уже не смог из-за наполнившей рот экзотической слюны. В прихожей еще раз откланялись, и вдруг Петропальч решительно завернул нас на кухню: вспомнив о вяленой корюшке, которая прекрасно идет к пиву. Экзотика требует жертв, сказал я, но это и впрямь великолепно!

Как же меня умотал Володя! Под горло подкатило. Собственно не впервой. Лучше остановиться во избежание ссоры. Желание взаимно. Он рисует на сугробе план, надо же мне, в конце концов, ориентироваться в городе, сам же уходит, к Мазепе – не то летному, не то морскому штурману, с которым выпили море пива, когда года три назад познакомились на юге.

Довольно легко найдя дом и квартиру Володи, звоню в дверь, единственную на площадке, не обитую дерматином. Едва приветил Леньку и Светку, которые почему-то радовались мне, явился еще один, гораздо более желанный гость, на котором дети повисли, как обезьяны, и тот по очереди поднял мальчика и девочку к потолку, вручил по шоколадке.

Он был жизнелюбивый рыжий фокусник – рука уходит под мышку, и на столе возникает бутылка. Другая под мышку, и еще один пузырь в центре стола. Разводит руками, рычит на разные лады, что означает, должно быть, ликование – основное его состояние, неистово потирает руки и отворачивается, чтобы не казаться хозяином положения. Но в комнате уже образовался эпицентр, я бы даже сказал эпицентнер тяжести, вокруг которого все вращается. Крепыша охватывает невротическое состояние, связанное с предчувствием выпивки, он подмигивает то левым, то правым глазом, целится сделанным из пальцев волосатым пистолетом, стреляет и дует в ствол, чтобы удалить дым. Олег Мазепа, понял я.

– А Володя к вам пошел...

– Интересное кино... А мы с ним... У меня сидячая ванна была в номере. Вся пивом уставлена. Он курсовую писал, а я прилетал разводиться с женой. Очень жалела, что детей нет. Алименты уж больно солидные. Я же штурман. Первый класс присвоили. Теперь мне море по колено, река по щиколотку.

– Поздравляю, – сказал я. – Володя тоже будет рад.

– А как же! Я в отпуске, заземляться зашел. Да и дела. Отцу семьдесят на носу. Я ему полтонны листового железа на крышу куплю. А что «Жигуль»? Он с хутора никуда. Стереосистему? Гармошку любит. Спросят батьку: крышу, небось, перекрыл, кум. А он, мол, младшой дальше всех живет, а ближе оказался. Слушай, Николай, может быть, уберем бутылки: Тамара заявится, а я до сих пор не пойму, как она к этому относится. Вроде бы привечает, а там глядишь, тайно шпыняет Володьку.

– Сессию сдает в Ольском техникуме, – я поразился легкости, с которой выговорилось это словечко, потому что все топонимы – Марчекан, Атка, Буркандья, Атарган вызывали у меня немоту, будто осваивал иностранный язык. Володя пришел минут через двадцать, и надо было видеть, как эти артисты из погорелого театра хлопали друг друга по плечам, нечленораздельно рыча.

– Так. Давай на стол накрывать! Леня, ты Светку покормил? – Володя в роли отца был образцово-показательно строг, хотя и его энергия предстартовая, предалкогольная. – Давай-ка, носи тарелочки, вилочки.

Ленька умчался на кухню, Светка за ним, и сразу в рев. Я хотел было их утихомирить, но Володя остановил меня взглядом.

– Рюмки не забудь. Четыре штуки. – Выдержал паузу, чтобы сменить регистр голоса. – Ворожейкин явится. Повелитель вещей. Как ты подгадал? Телепат, что ли? По твоему делу. А что молчишь, хорошую я квартирку выбил? Теперь вот полжизни отнимет. Думаю, шкаф такой сделать – во всю стену. Книги туда, барахло всякое с глаз долой. Материала не достать. Чертежные доски в продаже, шлифованные. Из них, может быть, изладить?

– Что же ты Ворожейкина своего не озадачишь?

– Забыл – железо. Больше одной вещи нельзя клянчить, иначе не получишь ничего. Это уж закон Архимеда для всяких таких дел.

– Махинаций?

– Скажешь тоже.

– Да шучу же! Шуток не понимаешь? Болван ты этакий, Володька!

Яков Васильевич Ворожейкин не замедлил явиться, разделся с видом доктора, вызванного к постели умирающего, потирал надушенные руки и кивал рыжей седеющей головой.

– Эх, ребята, был бы у меня такой Ворожейкин, – плеснул себе коньячку в рюмку и выпил. – Мне бы, говорю, такого Якова Васильевича, я бы его на вытянутых руках носил. – Оглядев Олега и меня, будто прицениваясь, за сколько отдать того и другого, – положил мне теплую ладонь на грудь. – Вам железо?

Я промолчал, а Володя затараторил, будто оправдываясь:

– Вот одноклассника вызвал. Давно хотел, да квартиры не было. А тут получил. Что, думаю, друга не вызволить из проблем? Мама мне его нравится.

– Коль нравится, так женись, – воскликнул Ворожейкин, мерзко рассмеявшись. – Вы погостить или на постоянку? Собственно кто сюда гостить приезжает, не Сочи. Ну, а если работать, подумать, поискать надо, не с бухты-барухты. Чтоб зарплата приличная, раз уж на Север забурился, а то какой смысл. Может быть, в артель, устроиться? Я могу поспособствовать.

– Спасибо, – ответил Володя. – Человек полдня как объявился.

– Тоже верно. Чего это я? Тысячи людей на свете без Ворожейкина живут, а я? Привык, что все просят. Ну ладно, понял, кому железо? – Положил руку Олегу на плечо и рассмеялся.

– Батя семидесятилетие празднует. Он у меня железный парень.

– Папашка? Ну, это надо, как же! Первый сорт. Отцу уважение оказать. Значит, оцинкованное. Полтонны хватит? Как доставлять будете?

– Да вот думаю. По воздуху, наверное. Ребята помогут. Да это уже наша епархия.

– Верю-верю, – Яков Васильевич замахал руками. – Глянь разик на тебя и сразу поймешь, что ничего не умеешь вполсилы. Поставь к станку, так ты норму на двести процентов ломаешь. Ешь за двоих. Жены у тебя тоже две. Так? Просто заменяешь на земле двух обычных человек. Так? Жилплощадь экономится. Так?

Все хохотнули, а мне подумалось, что это не такая уж безобидная шутка. Неужели он и впрямь завидует тем, кому приходит на помощь? А Володя? Сколько крови перепортил, чтобы перебраться из районного центра, поселка Ола, в город – на стульях ночевал, вкалывал день и ночь, чтобы доказать свою состоятельность, а я что – на готовенькое? Правда, и Володе помогли, а я помогу кому-то, возможно, даже ему самому, все мы связаны одной веревкой. Надо мне как-нибудь поучиться спать на стульях.

Холостяцкое застолье без затей, разговоры, главное достоинство которых в том, что не держатся в голове, хотя я едва ли не увечусь чтобы удержать их в памяти, для последующего увековечения.

А меня, веришь, нет, сказал Ворожейкин, ОБХСС день и ночь пасет. Уже привык и не дергаюсь, только посмеиваюсь в тряпочку. Однажды у главного инженера попросил в долг пятьсот рублей, он, как всегда, ни рыба, ни мясо. А к обеду вижу на столе перед собой денежки пачечкой. Сотнями. Ну, думаю, одолжил Петр Иваныч, кладу во внутренний карман, в паспорт, а тут со всех углов пять, нет шесть облезников, за руки клещами хватают, ноги вяжут, за плечи и шею гнут. Все, попался Ворожейкин, взятка это. Да не на того напали, где ваши доказательства...

Мазепа, не удосуживаясь дослушать самое интересное, перебил своего благодетеля совершенно уж уникальной историей про ледовую разведку. В полете над Амахтонским заливом видели они неопознанные летающие объекты, три ярчайших прожектора навстречу. Страшно, завораживает. На сигналы не отвечают. Доложили на базу, оттуда велели влево взять по эшелону, и эти тоже ушли влево, лоб в лоб сближаются. А кому хочется на тот свет! Докладывают обстановку, с базы вправо велят, и те вправо. Столкновение неизбежно. А возвращайтесь назад, к чертовой матери! Прямо так, открытым непечатным текстом в эфир!

Это что, на высочайшей ноте перебивает Володя. Один юрист по пьянке и большому секрету рассказал про чудака, поверившего, что в жизни есть место подвигу. С детства мечтал тот стать резидентом советской разведки, в зарубежной капстране, но ни ростом, ни умом не вышел и, поскольку попытки устроиться на работу в контору глубокого бурения не увенчались успехом, в его горячей голове родился такой план. Он перейдет границу Союза в районе Армении, держа ориентир на Арарат. Чтобы пролезть через колючую проволоку, прихватывает медицинские бинты, а для маскировки женское платье и туфли на высоком каблуке. Проникнув на багдадский базар, станет ходить в черном свитере с вышитой птицей Феникс, чтобы наша разведка опознала его, доставила на конспиративную квартиру, и там он себя покажет.

Кандидата в герои задержали наши пограничники, но отпустили. Тогда он приехал в Магадан, чтобы в трюме парохода доплыть до Америки и внедриться во вражеский мир, например, в Чикаго. Придумал пароль, вложив в это дело все знание английского, «Гуд бай Америка!», отзвывая «Воистину гуд бай!» Женщина, в которую он влюбился в Магадане, по этому плану должна была передать секретное послание в управление с паролем, приметам современного Рамзая и фотографией во весь рост, в спортивной форме неглиже, на всякий случай. Каково же было разочарование патриота, когда он узнал, что из Магадана пароходы в Новый Свет не ходят.

Пришлось оперативно готовить переход госграницы в районе Чукотки, для того был откован по тайному заказу наконечник рогатины в кузнице механического завода. По пути убивать медведей и питаться их мясом. Ну и тушенкой со сгущенкой, их витязь в шкуре неубитого медведя заготовил по пяти банок. Все бы ничего, но на прощание решил выяснить отношений с любимой до конца, погорячился, приревновал авансом к фонарному столбу, устроил драку и был арестован. Нашли, за что привлечь: разве рогатина не холодное оружие?

Вот тогда настал звездный час героя, доказал он своей гранд даме, что не просто так жжет кислород и склоняет голову ей на бюст. На взлете чувств написал несколько длиннющих поэм в силлабическом духе, посвятив каждую то чекистам-героям, то лично Андропову, Брежневу, упоминание имен возымело такое действие, что резидента не отважились признать невменяемым. За попытку измены родине он был осужден условно и просил для искупления вины забросить в тыл противника хотя бы без парашюта.

– Можешь помедленнее, – взмолился я. Володя был в ударе и ухом не повел. Импровизировал. «Слушали: об отвратительном качестве огурцов. Постановили: признать огурцы великолепными», и принялся хрумкать универсальным закусочным продуктом. Затем пихнул Олега кулаком в бок (Хорошая у меня квартира? Хорошая?), поманил Леньку и жестко, как слуге, приказал унести грязные тарелки. Ассоциативно вспомнив, что не покормил ребят, ушел на кухню, я за ним. Электроплитка на табуретке, два фанерных ящика из-под папирос вместо стола – вот и все убранство. Романтика! Зато не обвинят в махровом мешанстве.

Предложение вымыть посуду отверглось, но через секунду здравый смысл победил. Я встал к раковине, а Володя быстро сжарил яичницу, тут же по-походному стал кормить ребят, азартно приговаривая: «Наклоняйся, ешь над тарелкой, чтобы не на пол падало, а на тарелку! Падла!» Голос его вибрировал от упреждающего негодования, у меня ответно бараньим хвостом колотилось сердце, будто у приговоренного к побитию камнями.

Ленька, после того, как его пропесочил Володя, должен был, по моему разумению, впасть в глубокое уныние, но с него будто с гуся вода. И все-таки я решил загладить впечатление от грубости отца, вылечить, так сказать, душевную травму посредством игры в шашки. Расположились в маленькой комнате, на полу, застеленном одеялами. Ленька мужественно проигрывал, а когда вдруг получилась ничья с двумя дамками, разулыбался и стал походить на мальчика, этот старичок-боровичок.

И я был рад с первого раза найти общий язык с пацаном. Но что же делают взрослые в другой, большой, комнате? Сейчас, конечно же, гляну. Только вставать не хочется. Забавно как-то: там мужики, а мне милее детское общество. Светка под бок жметя, как котенок, сказку просит.

– Будет тебе белка, будет и свисток. Ты лучше глянь, как у папы дела.

– Я пойду, – возражает Леня. – Она же ничего не знает. Бестолочь.

– А папа спит, – доносится из-за стены ликующий голос девочки. Тут уж не выдерживаю, вскакиваю, и по тому, как плеснулась в голове горячая волна, соображаю, что пока сидел на одеялах, слегка подремывал. Володя не спал, просто растянулся на диване тощим тюленем? Где же гости?

– Слушай, что ты пристал? – Такая агрессивность явно спросонья. – Какое тебе дело? Энергию девать некуда? Красноречие побереги. Вечером, когда детей уложим, в гости пойдём. Тут за стенкой подруга живет в однокомнатной, ни ребят, ни котят. Слушай, может, ее дома нет? Пойду-ка загляну. – Володя вернулся минут через десять с куском мерзлого мяса на красивой тарелке из сервиза. – Детей, говорит, покорми. Оленина. – Он утопил добычу в большой кастрюле, опустил кипятильник и глянул на меня, явно ожидая восторженного комментария.

– Технический фольклор? А у нас в Академгородке придумали сварку взрывом...

– Опять ты с фольклором! Все уже собрано и упаковано. Про одну Семеновну толстый том. Только в самиздате. Ой, Семеновна, баба русская, попа толстая, пися узкая!

– Со стихами не получилось, анекдоты буду собирать. Из жизни. Рыбацкие, шоферские, колымские. Низкий жанр. Он самый любимый.

– А что их собирать? Хотя постой, постой, был случай. Поехал в командировку. Сiju на Стрелке – поселок такой на трассе, жду попутку. Одна молодая особа подходит к диспетчеру, мол, до города бы побыстрее добраться. А вот румыны едут, давай с ними дуй. Укатила, а через полчаса на своих двоих пехает, злая, как тысяча чертей и одна ведьма. Что такое? Я, говорит, комплимент водителю сделала, а он, вместо того, чтобы улыбнуться и поблагодарить, обложил, на чем свет стоит и выпнул из кабины. Что сказала-то? Что по-русски, хоть и румын, классно балаболит. Тут уж мы животики надорвали – с диспетчером. Баба она и есть баба, в технике ни бум-бум, хоть ее посыпь сахаром. Румынами автомашины, мазы прозвали. Были еще захары.

Почему – то не смешно. Володя обиделся, слез с дивана, порылся в его недрах и вытащил нечто бесформенное, отчего запахло спортзалом: резиновый матрас. Я надул его, уложил возле батареи, он притянул, как магнит, зазвенел микроскопическими колокольчиками. Такое блаженство! Невесомость! Тепло заструилось по позвоночнику, кости захрустели хворостом в костерке, сердце будто пропало, зашло в беззвучном смехе. Румын! Лучше бы рассказал, что с этой пассажиркой дальше стало, не пришлось бы кое-кому алименты платить.

Однажды уснул с сигаретой во рту. У нас в гостиничном номере была дама, Володя объявил, что достанется она победителю в честной дуэли, налил два стакана водки с верхом. Я тоже выпил залпом, стал запивать, не водой, как оказалось, а спиртом. Задохнулся, а когда проснулся, закурил. И упал на постель, как убитый, затлел. Гасили водой из графина, но не разбудили, а лишь переместили в следующую фазу сновидений. Будто бы самец горбуши, горбыль, проделавший от берегов Японии путь до Магадана, сказал, что скушает с потрохами свою любимую, прямо с красной икрой, такая уж любовь не земная, морская. Рыбка, красная от стыда: я его стесняюсь. Спит он, спит, как тысяча сурков! И вдруг крохотным участочком сознания, как на операционном столе, улавливаю на Володиной койке характерную возню и аромат разгоряченного женского тела. Что она в нем нашла, глупышка-пышка?

– А ну-ка, мин херц, двинем к соседке?

Господи, я же дрыхну на резиновом матрасике в Магадане. Темно. Володя поручает сыну укладывать Светку, строжится на обоих, и вот мы уже на лестничной площадке. Волнуюсь и лихорадочно перебираю свой житейский багаж, дабы ненароком не опозорить Володю.

– Ах, мальчики! Проходите, я сейчас. – Елена в том возрасте, когда некоторые становятся бабушками, а другие не имеют даже детей, расходуя остатки материнского чувства на симпатичных им молодых мужчин. Мы и глазом моргнуть не успели, как она переделась в платье с открытыми плечами и вылила на себя тройную дозу духов, как у моей учительницы физики в одиннадцатом классе, таинственных, как дым канифоли из смолы ливанского кедра. – Что, братцы, глазками рыскаете? Нравлюсь?

У нее есть на что посмотреть: импортный мебельный гарнитур, темный, с блестящей медной фурнитурой, хрустально-медная люстра, ковры, шкаф с костяными безделушками и кни-

гами. Это тебе не на ящиках из-под папирос «Север». Да и сама она – зрелище незаурядное, только не будешь же пялиться.

– Представляешь, Лен, этот хмырь поступил как настоящий гений. Говорю: приезжай! Он и прикатил. А помнишь, Новый год праздновали? Представляешь, при свечах... Новоселье, праздник, а они электричество не подключили. Но мы не унывали! Мы ведь тогда и познакомились, а? Мебель эту буржуйскую, как негры, на верхотуру перли.

– Вовек не забуду. – Она стала насмешливой, хитрющей. – От жены, что ли, сбежал? Если хвосты есть, то лучше сразу отрезать. Я тут одного устроила на пивзавод. Со строгим партийным выговором, двоеженец, а покался вовремя и на коне. Ты, Николаша, пойми, у нас паинькам делать нечего, а если увешан выговорами, как противотанковыми гранатами, готов под танк броситься, землю есть, чтобы пятно смыть, ты лучший кандидат. Как в штрафном батальоне. Вот и вся кадровая политика. Москва слезам не верит, да! А Магадан, лагерный город, пропитан слезами, соплями, кровью, гноем и потом. И сейчас сюда едут проблемные люди, у каждого по несколько кровоточащих ран. Весь город с каким-то надрывом. Это естественный отбор, только наоборот. Сюда едут начинать с нуля, а ты спроси, кто-нибудь хорошим кончил, добился чего-нибудь. Не для счастья ехали. Это как добровольное погребение заживо. Ты не думай, что я такая умная. Я баба. Это один человек написал книгу. Только ее никогда не издадут...

– Ты не больно-то верь ничему, ей тоже, – поддакнул Володя. – Слышал легенду о золотом олене? Якобы чукотский эпос. Голова оленя лежит на Аляске, а тело – в Магаданской области. Брехня, никакой легенды нет. Чукчи не знали золота, не могло им это придти в голову. А придумал все это наш брат, журналист Лева Иванкин, я тебя, быть может, с ним познакомлю. Так, ради красного словца между делом вставил в свой очерк, и пошла писать губерния. Растеклось по белу свету. Это самая большая лажа, которой поверили все.

У меня сердце сжалось от зависти. Такие надо собрать анекдоты. Но они меня допекли. Пойду-ка в туалет освежиться. На двери заведения большой лист ватмана. Коллаж. Вырезка из американского журнала – красотка в купальном костюме, а фотомордочка Елены присобачена. И на голове искусно пририсована корона. Будто идет царица по облаку. Красивым почерком как бы стихи: «Ты тишине не верь и звукам, рукам и мукам, а также встречаю и разлукам. Ни верь, ни крови, ни соплям. Не верь ушам, не верь рублям. Не верь, Аленушка, слезам, а говори смелей: „Сезам!“, чтоб затошнело небесам!» И под всей этой бодягой масса подписей. Коллективное поздравление, стало быть.

– А знаешь, жеманься, – говорит Володя, подтверждая мои догадки насчет авторства, – хочешь, расскажу, откуда ноги растут. Был случай. Пришла в редакцию женщина. Муж ее бросил, второй муж бросил, третий, пять мужей ее бросило. Слезы ручьями. Дети бросили. И вообще глазика нет. Хоп, и вынимает протез, кладет на стол. Мужик я, конечно, не слабонервный, но художественный тип и все такое. Впечатлительный. Еле справился с собой. Чем говорю, могу помочь? Как чем, денег выписать, талоны. Думала, это собес. А узнала, что ошиблась, слезы высушила в миг. Намуслила она свой глаз и на место водрузила. Ручищи замызганные, должно быть, семечками торгует. Так что не верь глазам, даже стеклянным.

– Этот шарж, хочешь знать, мне эти охламоны на юбилей подарили, – нараспев тянет хозяйка, источая сладковатый запах костра моря снов. – На тридцать девять. А один биолог в мою честь моллюска назвал, вот в шкафу раковинки лежат. А молодой писатель Тонков – сопку.

– Ладно, Лен, ты тоже – как начнешь про честь чесать, так не остановишь. В гости друга привел, показать, как народ здешний живет, а ты и рада устроить головомойку. Мы поклонники женской красоты, и от этого трудно отвертеться.

Елена хохотнула, демонстрируя себя со всех сторон, бряцая сознанием силы собственной слабости. Она походила на фарфоровую куклу, есть такие флаконы для духов. Даже показа-

лось, что меня ждали, это всегда приятно щекотит. «Сервис», – подумал вслух Володя, на что Елена возразила: «Сервис – это когда платишь, а тут тебя друг угощает. Ой-ой, голодранцы и шпана. Все по старинке норовите. Люди как теперь поступают: меняют квартиру в Магадан с материка и покоряют Север с полным комфортом и удовольствием».

Так значит, она поменяла, что ли? Мне стал неприятен этот разговор из ряда вон выходящей женщиной. Хотел сказать об этом Володе, глянул на него и не узнал. И вообще оказывается, я мчусь верхом на корове по льду. В руках у меня клюшка. Бью по мячу величиной с коровье вымя, он катится к воротам, и тут наперерез на своей пестрой корове Володя, моя черно-синяя буренушка пытается остановить мяч копытом, ноги ее разъезжаются, она припадает на вымя, и резкая боль ударяет меня в сплетение, ниже, ниже, туда, что боксеры называют ниже пояса. Весь мир, весь стадион с его сволочными уродцами-болельщиками ликует и летит кувырком в ледяную бездну. Может быть, у нас с Володей очередная дуэль?

– Домой, спрашиваю, думаешь идти? Спать сюда, что ли, пришел?

Господи, оказывается, я тоже хорош, перепитый, хотя дважды не дома, бездомный во второй степени. А не снится ли мне все это? Может быть, ущипнуть получше, и окажешься под боком мамы! Щиплю и просыпаюсь от боли, будто всю ночь лупили по почкам. Или там печень расположена? Отчего это? От матраса, должно быть, надувного. Ленька сказал, что папа велел позавтракать. А отлить, извините, можно?

Дом Остроумова – крупноблочная пятиэтажка – предпоследний на улице, ведущей от телевизионной вышки к сопке. Впрочем, в этом городе все улицы ведут к сопкам. Мне не составило особого труда вообразить, что дальше ничегошеньки, загород. Если влево смотреть, можно море увидеть. Только застывшее, издалека не узнать, если впервые в жизни. Все это поразительно и смешно: за день так переменить и окружение, и, хотелось бы думать, оздоровить мироощущение, постараюсь жить энергично, а не рассуждать о жизни. Как Олег Мазепа, достичь в своем деле первого класса. Бывает же, некто идет по улице, кирпич ему на голову шмяк, и заговорил по-китайски. Вот и мне того же надо. Володя всегда был примером везения. Но есть более ушлые. Он в последние год-полтора сдавать стал. Мол, чертовщина какая-то, раньше заболеешь, стакан водки с перцем жажнешь, и как рукой снимет. А теперь пьешь, пьешь, и хоть бы что.

– Николай! Вот ты где! – Оборачиваюсь, Володя. – Сейчас мы с тобой в рыбный порт поедем. Мне по делу, а ты приглядишься.

Пройдя метров триста до автобусной остановки, я упал всего-то два раза, да и то лишь мягко присел. Привыкаю. Автобус сразу же свернул направо, удивив и обрадовав, будто достал спрятанную в кармане немалую и очень интересную перспективу. А то уж больно он маленький – этот город. А когда автобус пошел под уклон, и далеко внизу показалось несколько пятиэтажных домов, белое ровное пространство с несколькими крохотными корабликами, замороженными в лед, взгляд мой затуманился, и я понял, что останусь здесь, безусловно, что ждет меня в Магадане жизнь особая, со скрытыми пока что прелестями, надо лишь отдаться течению обстоятельств. Родителей не выбирают, жена выпадает по расположению звезд, а жить там, где душа подскажет.

Марчекан, рыбный порт, я на уровне моря! Не совсем прозрачный лед, толщина его, мнится, очень солидна, танк выдержит, однако что-то екает внутри. Подо льдом глубина морская, сырой ветер пронизывает насквозь. И не иглами колет, а буравчиками ввинчивается. Чем дальше от кромки берега, тем неувереннее шаг. Когда жил на берегу Оби, ни разу не удосужился перейти на другой берег по льду. Только до Коровьего острова доходил на лыжах. А здесь до плавбазы подальше.

– Хочешь знать, – просвещает Володя, – здешнюю соль выпаривали и везли в Мацесту, там соленые ванны особым больным прописывали. Наше море самое лучшее, приливы высокие, перемешивают воду, солнце ее насквозь просвечивает, дезинфекция. Что ни рыбка, что

ни моллюски высшего качества. Жаль, селедку японцы всю вычерпали. Наши тоже хороши: выловят, носятся с ней, плавбаза не принимает, и в море ее!

Не смогу описать судно, потому что нужно термины, даже думать об этом не решаюсь, не справится с лавиной новых слов. Вот этот лед, по всей видимости, тоже имеет название, эти глыбы, торосы, эти слабые переливы цвета. И нам нужно подняться на палубу по трапу. На какую высоту? Палубные надстройки. Еще один трап. У меня в ушах звенит от немоты, оттого, что не знаю названий этих вещей. Или от такого обилия железа, – наверное, в тысячи тонн. Каюта первого помощника капитана – железная маленькая квартирка. Морской волк, Шустриков Алексей жмет руку, по привычке рассказывает, что прежде это был банановоз, плоды дозревали в пути, в подвешенном состоянии. А теперь рыбу обрабатывают. В мае пойдут в Анадырский залив на горбушу – экспериментальный лов. Может, и мне напроситься?

Шустриков, узрев свободные уши, ударяется в небольшую лекцию, ведет в машинное отделение, вид агрегатов в нем заставляет вспомнить детский ужас, когда впервые увидел паровоз, а он напыжился изо всех сил, сдал назад и так заревел, что я подпрыгнул от неожиданности, оглох, ослеп, думал, глаза лопнут. Что же теперь у меня – ужас перед этим ужасом?

Шустриков сказал, что не отпустит без ужина, и я радостно завспоминал, как называется то, куда он нас повел. Камбуз? Кают-компания? Мы спускались и поднимались на высоту, может быть, девяти этажей, то и дело сворачивая. Какое-то время пытался удержать в памяти этот путь, как, скажем, стараешься запечатлеть изгибы и пересечения лесных тропинок. Но там – плоская, хотя и пересеченная местность, а здесь в трех измерениях! Голова кругом. Наконец выходим в небольшой зал, обшитый деревом, с длинным столом и умопомрачительными запахами съестного.

Больше всего мне нравится селедка, которую на базе готовят почти без соли для себя. Откровение, так сказать. Гастрономические впечатления самые сильные. Покоритель Севера через желудок. То корюшку сырую, то сельдь нежного посола. Хлебнуть фунт лиха и закусь пудом соли. Неужели же я такой изголодавшийся? Как из голодного края. А вообще-то не из сытого.

Ночью была пурга. От завываний на крыше и дребезжания стекол гудело в голове. Одно из звеньев водосточной трубы сорвалось под ветром и чиркало по бетонной стене с завидной методичностью. Я с ужасом ждал, когда оборвется последняя проволока. Иногда так дуло в окно, что, казалось, ветер не задерживается стеклами. Ничего, лишь бы дом не рухнул. Представил себе, как падают стены. Конечно, нелепая мысль, но не так-то просто от нее отделаться, как от той, что посещает в самолете: выдержат ли крылья.

Я встал с матрасика, оделся и побрел на кухню. Пурга ощущалась здесь сильнее. Она вдувала в кухню через вентиляционную решетку, может быть, с самого океана, влажноватый воздух и высасывала из комнаты живое тепло. Я открыл форточку, ее вырвало из рук, стекло оглушительно звякнуло, но осталось цело. Тугой поток воздуха застрял в глотке, я им захлебнулся, как водой.

Не хотелось зажигать света: за оконным стеклом пробежали снежные потоки, в частичках снега вспыхивали холодные искры. Я выглянул во двор, там фонарь на столбе, казалось, парил, вальсируя над потоками снега. Мне стало весело. Может быть, вся эта круговерть – праздник природы и относиться к ней следует соответственно?

Я уселся на стул, приложив ступни к батарее, и стал слушать, что еще выкинет шальный ветер. Звуки пурги отличались разнообразием. Это не какое-то там примитивное завывание в печной трубе, здесь и басовые звуки, и то, что можно назвать мышинным писком. Водосточная труба продолжала мотаться на проволоке, может быть, продержится. Если не упадет, все у меня получится в Магадане. Хохот и рыдания. Будто женщина. Кажется, сквозь стены, как сквозь решето, проникают молекулы снега. Я не знаю, как это назвать, у меня нет слов. А дочка моя, не произнесшая ни одного слова, спит в мерзлой земле вечным сном. Но это далеко, и жена,

ожидающая моих житейских подвигов, и мама, уверенная, что все брошу и вернусь. Я представляю все это как сквозь вату. Я хочу построить дом из ваты...

В другом месте я бы обязательно попробовал написать стихи. Такие белые, не рифмованные.

Тебя хочу забыть, о ненавистная женщина,
Твои белые руки прекрасные и пепельные глаза
И слова твои лживые...
Да мало ли что я хотел бы еще забыть,
Так просто, без боли,
Как утром сегодня забыл я
В трамвае портфель.

Этим я занимался семь лет, пытаясь взять упорством, а небольшой талант, мне сказали, есть. Дали авансы, мой поэтический мэтр устроил публикацию в самой тиражной газете страны. Да вот все рухнуло. То ли КГБ насело после чешских событий, то ли еще что, сам стал другой, но книжку мою издавать не стали, и это я воспринял как катастрофу.

Когда обсуждалась рукопись, один доброжелатель сказал, что за такие стихи нужно расстреливать. Мэтр меня защищал, я ему был благодарен, но спустя месяц-другой ощутил ужас правоты этого советского хунвейбина по большому, гамбургскому счету, и какое-то время сердился на учителя, будто он меня предал, дал ложную надежду и неправильное направление. Я столько лет потратил на то, чтобы, отказывая себе в радостях жизни, писать их для его одобрения, быть может, и дочь свою этими стихами закопал, и вот итог. Похоже на эксперимент над самим собой, и он окончился неудачно. Бывает, в школе на занятиях, когда все решают контрольную, ты под партой читаешь Мопассана, а потом двойка. Они правы. Нужно сначала жить, а потом уж что-то писать. Я ведь совсем не знаю, как люди живут, не умею. Я буду собирать смешные случаи из невеселой, в общем-то, жизни. Договорились? Пожал сам себе руку и ушел спать. Приятно не разогревать себя кофейными парами, не быть обязанным никому и не гореть стыдом за обманутые надежды.

Утром Володя поехал в Олу, а в Армань не пробиться из-за заносов. Я вспомнил вчерашнюю ночь и водосточную трубу, болтающуюся под порывами ветра. Пошел на кухню и с удовольствием убедился, что она не оборвалась. Пришла Муся, миловидная ласковая девушка, как оказалось, сводная сестра Володи. Отец их, сказала она, тоже перебрался на Олу, перспектива встретиться с ним уже не прельщала. Если у меня сердце останавливается, от того, что Володя жучит Леньку, что будет, когда, не дай Бог, заговорит профи?

Уезжая, Володя наорал на Мусю, выдав четкую программу жизни на будущую пятилетку. Больно видеть ее безропотное подчинение. Нельзя же собственную сестру держать в такой забитости. Над детьми измывается, теперь над ней. Сатрап. Точнее, цыган из анекдота, который нашлапал дочку, посылая за водой, чтобы кувшин не разбила. Поздно наказывать, когда разобьет. Может быть, я сам сумею про это сочинить.

Володя натянул унты, шубейку, крытую парусиной, и был таков, Муся отряхнулась, вытащила из недр шкафа портативный проигрыватель, поставила затертую гибкую пластинку из «Кругозора» и уселась на пол, прислонясь к батарее. Она с удовольствием слушала музыкальный вариант сказки про волка и семеро козлят. Светлана повисла у нее на шее и приговаривала: «Муся...» Больше слов не находилось, да и не надо. Ленька смотрел на тетю исподлобья, видимо, соображая, кто кем командует. Впрочем, я скоро понял истинную причину настороженности мальчика: дело в том, что Муся беззастенчиво перекладывала свою работу на Леньку, по крайней мере, что касается уборки и готовки. Он еще, конечно, не допускал, что к таким смазливим девчонкам нужно быть понисходительнее.

Я обнаружил, что в доме кончился хлеб и ушел в магазин. Ожидал увидеть после пурги горы снега, не тут-то было, кое-где обнажилась земля, и льда стало гораздо больше. Будто бы вновь учился ходить. Гастроном «Нептун» близко – через двор, а плетусь полчаса. На прилавках сахар и соль, огурцы, пахнущие корюшкой. И еще лимоны в зеленых коробках из Италии. Нет, это не чудо, которого я жду с замиранием сердца.

Пойду-ка в сторону телевизионной вышки. Володя рассказывал, что ее сварили из металлолома рабочие механического завода, не взяв денег, на общественных началах. Возможно, здесь кроется какая-то доморощенная легенда. По поводу трубы теплоэлектростанции я уже слышал байку, мол, если дым валит к морю, то жди сухую погоду, а к трассе – туман и дождь. Здание у телевизионной вышки с двумя греческими масками на фронтоне. На театр не похоже. А вдруг это общепит: если проголодаешься, страдаешь, а насытишься, – повеселеешь. Конечно это телестудия, жена моя, когда оклемается и прилетит, пойдет на нее работать. За студией заснеженный парк с голыми лиственницами. От их бледного вида сердце сжалось тоской. Будто под ними спит вечным сном моя дочка.

Пройдусь еще немного. Запомнил, где «Полярный» и «Горняк», миновал ресторан, книжный магазин и вышел куда-то вниз, к памятнику Ленину. Золотое объединение. Вход по пропускам. Напротив двухэтажное здание с просевшей крышей и множеством вывесок. Бывает так, сердце будто наждаком тронет – так хочется войти. Длинный узкий коридор, стены – как декорации: шевелятся от шагов. У двери курилка. Травилка анекдотов.

– А знаешь, что такое комикадзе? Грузинский юмор. А про доцента знаешь? Ему про женщину рассказывают, мол, бутылочные ноги. А он: пить не буду.

В одном из курильщиков узнаю Петропалыча, он зовет к себе к кабинетик, не упускаю возможность увидеть его за столом-аэродромом, доставшимся, наверное, по наследству от дальстроевского начальника! В дневном свете как бы знакомимся снова. У него маленькая голова, загорелая кожа просвечивает сквозь редкие русые волосы. Рядом человек помоложе, толстенький и маленький, он вперил взор в записную книжку. То есть это такой микрокалькулятор. Петропалыч вертит машинку и так, и эдак, скребет ногтем, легонько сжимает в пальцах.

– Электроника, разбаловались. Небось, на счетах раньше как бросал, а? Бери-ка, электроэнергию сэкономишь. – Петропалыч достает из ящика стола счета. «Клиент» неожиданно для меня до умиления рад им. Даже руки перестали дрожать. Но глаза продолжали слезиться.

– Молодой был: коньяк, понимаешь так, покупал. Три звездочки. – Толстячок лихо отбрасывает три косточки и тут же возвращает их на место. – Пятьсот миллилитров, – откладывает пять сотен. – Нес домой. Рюмка – пятьдесят миллилитров. Делим, – он отщелкивает деление. – Десять рюмок должно. А выходит девять. – Выкладывает девять костяшек. – Хорошо. Раз покупаю, другой, чтобы убедиться. Потом заявление пишу. Что поднялось! Ревизия, суд. Одному восемь лет, другому, – он бросал и бросал костяшки, суммировал. – Пятьдесят четыре года. Моя жизнь. А за то, что недолив выходил, мне полную бутылку бесплатно выставили. Будь здоров! Премия.

Петропалыч сверкнул синевой очков, взял маленькую отверточку, приложил к винточку на корпусе машинки, легонько крутанул, и в ней что-то пискнуло.

– Дай-ка я, дай, – толстячок нетерпеливо отодвинул счета, отчего его руки, потеряв опору, мелко задрожали.

– Я часы делал, – сказал Петропалыч, все еще не услышанный.

– Ну, нажимай включение, – горячился владелец микрокалькулятора. – Двойку дави, умножение, снова двойку. Четыре. Все нормально. Дай я сам. Тут с сигналом. А можно отключить. Кнопочка вот, видишь, бемоль. – Заполучив машинку, он заработал с такой скоро, что писк ее напомнил морзянку. – Видишь, последний писк. Как ты сделал-то?

– Я же часы ладил. Швейцарские. Трофейные. Вскрыл штывком, дунул, и пошли. Часовщиком прослыл. Махорку ребята несут, галеты – давай тоже. Один часовую мину приволок.

Братцы, не понимаю я в часах. Не верят. Обижаются. А тут всякие утюги, кастрюли, фотоаппараты несут, часы тоже. Прямо мастер не своего дела. – Проговаривая все это, он взял чистый лист бумаги, двумя-тремя штрихами изобразил фотоаппарат, замок-молнию, утюг и перечеркнул жирным крестом. Смяв и выбросив, тут же положил перед собой новый лист.

– Так говоришь, будет работать? Гололед, понимаешь, ли, в поворот не вписались, помялись. На газике, сына в порт отвозил. А эта хреновина в кармане. Нежная, импортная.

– Автобусы меньше бьются, чем легковые, – сказал я толстячку. Тот резко встал, спрятал машинку в карман, похлопал по нему с победным видом и ушел.

– Уел ты его, – сказал Петропалыч. – Главбух наш. По первости, как пришел к нам, никак разуместь не мог, почему художникам столько платят. Петуха нарисует, и восемь рублей, при том, что живой петушок пять. Я говорю тогда: четыреста за корову заплатишь? Не понял? Издательство у нас тут. Книжки делаем. Я художников пасу. Четыреста рублей иллюстрация стоит, на всю страницу.

– Я тут придумал анекдоты записывать, случаи всякие смешные. У вас отлично выходит.

– Художественный свист, что ли? Этого не отнимешь. Я в Москву еду, надувной матрасик с собой беру. В порту угнездиться запросто. На шинельке лучше, да изнасилась. Захожу к московскому начальству. Альбом собирались издавать о Магадане, утрясать надо. Ну и спрашивают меня тамошние дамы, как мол, там у вас насчет мехов: под ноги бросить, на шею повесить. Проще простого, говорю: надо сесть на самолет, одиннадцать тысяч километров до Анадыря, оттуда на вертолете пару часов, на вездеходе полдня – в совхоз оленеводческий. Устроиться чумработницей – и меха со всех сторон: яранга из шкур, одежда тоже, работа исключительно с мехом. В супе шерстинки неминуемы. А ружье возьмешь, так волка можешь на воротник добыть, росомаху...

Едва он перевел дух, дверь кабинета распахнулась, вошли двое в дубленках и огромных шапках, делающих похожими на фантастических гуманоидов с головой шире плеч. Они раскрыли огромную – метр на полтора – папку и принялись раскладывать на полу листы. Уезжая на Север, я насмотрелся пейзажей Рокуэлла Кента, и теперь смущался, глядя на эти, как мне казалось, бледные подражания.

– У меня тоже шапка собачья, – Петропалыч медленно переводил взгляд с картинки на картинку. – Порыжее будет, и шерсть покороче. На самые морозы берегу. К брату в Херсон ездил. У него с собакой несчастье. Пристрелить ее пришлось. Погоревал-погоревал, а шкуру снял. А что с ней делать, не знает. Якобы она на него тоску наводит, сердце бередит. Ну и отдал мне. Вроде как Север, так надо утепляться. А мне что – не моя Жучка, не жалко. Мне она только шкура, а не четвероногий друг. Пошел клеймо поставил у ветеринара. Выделали, сшили. Пятнадцать рублей обошлась шапка. А вы, небось, за полторы сотни на барахолке брали? Дурят вашего брата. А меня не задумишь.

Художники фыркнули и засобирались уходить. Приобняв одного за плечи, Петропалыч просительным, жалобным тоном нараспев произнес:

– Ребята! Ну, вы приходите. Вы нас не забывайте, а? Через недельку приходите. Я вам заказ, может быть, организую. А?

– Слабенько? – Спросил я, когда гуманоиды ушли.

– Здесь, как в любом деле, свои фазы. Сначала художник или там писатель вокруг издательства кругами ходит. Что ни предложат, готов на все. Вторая фаза: издательство за автором бегают. Был тут один виртуоз, царство ему небесное, спился. Заказ возьмет и исчезнет. Все сроки вышли, а его нет. Иду к нему, не застаю. Второй прихожу. Вижу в окне физиономию. И он меня видит. Как заяц затравленный. Барабаню в дверь. Бесплезно. А нарисует, все простишь. Книжки его дипломы брали на выставках.

Володя вернулся из Олы, когда мы пытались ликвидировать последствия фантазии Светки. Она нарисовала карандашом на обоях в большой комнате, на самом видном месте, маму, папу и себя с братом, почти в натуральную величину. Я готов был сквозь землю провалиться. Но Володя сумел убедить меня, что все это пустяки, на место рисунка повесит большую географическую карту, ведь ребятне пора в географию вникать, может быть, выбирать маршрут жизни. Я буквально прослезился от великодушия Володи.

День поездки в Армань обещал быть таким же серым, гололедным, как вереница других. Мазепа пришел – расслабленный, размагниченный, удивив и огорчив меня. Нужно было кому-то первому разгонять облака.

– Армань, арманьяк, – произнес я наугад. Олег обычным двойным своим движением вытащил две бутылки югославского виньяка с младенцем на этикетке. Вот это хохма! Успели приложиться, пока не подошла машина. А почему же с нами Олег? За железом, что ли? Но это неважно. Учусь не задавать вопросы. Меня переполняет восторг и упоение путешественника, сильное яркое волнение, похожее на сценическое, только без опасения провала.

Город все-таки весьма небольшой, особенно если пересекать его на машине. От центра забираем влево, к трубе электростанции. Одноэтажный, нежилой, промышленный, еще точнее, складской пейзаж. Немудрено, отсюда везут тысячи тонн грузов по Колымской трассе, как объяснял мне Володя и как я сам уже немного разумею.

Едва миновали электростанцию с горами серого угля и черного снега, небо прояснилось, чистый снег ослепительно засверкал так, что прищуриваться бесполезно, даже если закрыть глаза: яркие весенние лучи пронзают веки, и все наливается красным от собственной крови в сосудах, солнце пронзает кожу насквозь. И вот уже все, на что ни бросишь взор: заснеженные сопки, небо, а потом и полоса моря кроваво-красные. Будто в фотолаборатории с вечера до утра до одури печатаешь снимки.

Дорога, подобная этой, представляется равнинному жителю, по меньшей мере, нелепостью. Ну, зачем же делать такую петлю, чуть ли не в спину себе заглядывая, да еще с резким одновременным спуском и подъемом. Нельзя, что ли, напрямую? Понятно, что нельзя – сопки, но все существо протестует. Справа – крутизна уходит вверх, конца ей не видно, а слева – внушительный обрыв, а на дне упавшая машина – как игрушечная. Расстояние до нее большое, в первую секунду это уменьшает впечатление от разыгравшейся трагедии, а во вторую сердце сжимается: а люди, что с ними? Ну ладно, мы еще к сопке прижимаемся, а тот, кто нам навстречу, если разъехаться, куда ему – в пропасть? Аттракцион какой-то, а не дорога. Американские горки.

– Тещин язык, – возражает Володя, и сразу становится как-то уютнее. Я вспоминаю свою неумную труженицу тещу, ее уральскую скороговорочку.

Выехали на берег моря, громадное открытое пространство беспокойной сине-зеленой воды, расстилавшееся за ледяными полями, вырвало из меня восторг: Рокуэлл Кент. Мысленно обежал уже понятные дороги, склоны сопок, ломаные плоскости и рваные силуэты, будто живые, теплокровные, глянул на кромку берега и линию горизонта, проходящую по воде, и поразился, насколько парадоксально устроен человек. Может быть, без картин американца, без энергии его любви к Северу я не смог бы понять красоты здешних мест?

– Гляди, нерпа, – восклицает Володя, метрах в двухстах движется нечто, похожее на мячик. – Река Окса, крабы здесь. – Мы вылезли из уазика и поковыляли негнуцимися ногами по льду, похожему на быстрорастворимый сахар, на который капнули водой. – Не думай, здесь не тает, – возражает Володя. – В Магадане тоже – потеплеет, как штормом отгонит лед в открытое море. В июне.

Маленькая Армань не оправдала моих ожиданий. После великолепной дороги ожидаешь увидеть нечто подобное Магадану, хотя и столица Колымского края – городок небольшой. Так сказать, дорога в никуда. Володя повел меня осмотреть цех, где производят селедочные кон-

сервы. Три десятка работниц разрезали тушки, отделяли головы и внутренности, закладывали кусочки рыбы в баночки, заливали соусом. Весьма аппетитно. Не станут же нас угощать, как на плавбазе? Володя с профессиональным оживлением пояснил, какое это крупное достижение: открыв цех, смогли занять женщин. Мужских рабочих мест хоть отбавляй, а жена дома сидит – непорядок.

Куда-то еще заезжали, Володя оставлял нас с Олегом в машине, один проворачивал свои дела и, судя по довольному виду, успешно. Завершающим аккордом пребывания в поселке стало водружение в кабину большого свертка, укутанного толстой серой бумагой, отчего сразу же запахло костром и запершило в желудке. Эта небольшая поездка произвела на меня огромное впечатление. Всю ночь снился красный лед и копченая золотая горбуша, падающая с неба наподобие дождя. Прямо на тещины языки, истекающие ручьями слюны.

На другой день ноги сами вывели меня к дому с просевшей крышей, одной из них я открыл дверь, обнаружив вся компанию в сборе. Кивнув мне, как старому знакомому, Петропалыч увел к себе.

– Не приучились еще к колымскому чаю? Что так? Цвет лица портит, что ли? А на рыбалке – первое дело. – От Петропалыча исходит слабый запах костра, когда не дымит, а горит ровно и потрескивает сухой березой.

– Меня бы с собой взяли – на рыбалку, а?

– Идет. Полушубок есть? Еще лучше тулуп. Но ничего, белье теплое, все, что есть, навздеваешь. Штаны бы ватные. Унты. Валенки с галошами сгодятся. Главное – против мороза выстоять. И снасть. Блесны. Заводские не годятся. Сами из латуни делаем. Тут обещали посеребрить. На пробу. Кока. Лаборант. Веселый парень. Вчера прибегает, глаза треугольные – захлопнул дверь. Взял я нож, засунул в проем, дверь отошла. Как это у вас получилось? А я знаю? Как дверь-то захлопнул? Оказывается, купил палку колбасы и подвесил за форточку для лучшей сохранности. А тут собака подошла, дворняга, умницы они у нас, вскарабкалась на сугроб, схватила колбасу и ушла. Хорошо хоть убежала, а то бы кто Коку от нее спасал...

– Ничего себе! Это надо записать.

– Записывай. А то повторим эксперимент для полноты впечатлений. Тащи колбасу. – Улыбка у него хорошая, не обидная. – Разве это история? У нас есть одна собачка, которая на автобусе ездит, все остановки знает и на лифте поднимается на свой этаж. Я тебе про другое расскажу, а ты послушай, да сделай вывод. На Кавказ поехал, в Лоо. Частник из аэропорта подбросил. Любопытный оказался сухофрукт. Фронтвикам, говорит, льготы большие. Ковры без очереди. Мне, говорю, без надобности. Ну, ни скажи, перепродал, небось, кому подороже. Хочешь жить, умей вертеться. Я эту машину на бумажных салфетках заработал. В водичке распускаешь, травки-перчику, соли, вот и начинка для чебуреков. Едят, нахваливают, добавку просят. А хлеб – не то, его контроль запросто выявляет, йодом капнешь, и синее, салфетки – надега, как в могиле. Так мерзко стало, будто меня на говенной веревке подвесили. Останови, говорю! Зачем? В милицию пойдешь? Я пошутил. Шуток не понимаешь? Где у тебя доказательства? Довез до санатория и денег не взял, гад. С ума спятить. Понимаю, с голоду бы мерли, а то с жиру лопаются. Почему такая в людях ненасытность?

Петропалыч замолчал, тяжело дыша, будто на сопку поднялся без передыха. Хорошо, что распахнулась дверь и вошел высокий грузный человек с изящными фиксированными движениями. Петропалыч, радостно кряхтя, выбрался из-за массивного стола и потерялся на фоне гиганта.

– Айда ко мне в мастерскую, Петропалыч! Сохнут акварели. Мокрые по морозу не понесу.

– А я мокрые смотреть?

– Да не придирайся уж. Не надо меня на слове ловить. Вредина ты. Сам человек пришел, добровольно сдался, а в ответ брань и побои.

Поразительно, с какой естественностью разыгрывал пришедший обиду. Может, он актер, а не художник вовсе? И внешность подходящая, видная. Оказывается, это Иван Жестоков, театрално-музыкальный мэтр, талантливо передающий в декорациях особенности музыкальных стилей, а сейчас он талантливо проиллюстрировал самобытную книжку чукотских сказок для детей на двух языках. Желает предъявить.

Минут через пять мы поднялись по лестнице обыкновенного жилого дома и оказались в обычной однокомнатной квартире, приспособленной под мастерскую. Обилие красок – в банках, баночках, тюбиках, и ведрах, кисти разных калибров, мольберт с начатой картиной, стеллажи с книгами и альбомами, готовые картины на стенах, опять кисти, рулоны бумаги... И запах, изумительный запах картин!

– Ну, располагайтесь пока. Я чайник поставлю.

Я присел на краешек дивана, Петропалыч притулился на другой – как воробушек, пребывая в неопишемом волнении, заикался, хотя не произнес ни слова. Жестоков пришел из кухни, если бы это была квартира. Положил перед диваном шесть акварелей на толстой бумаге, которая заинтересовала гораздо больше, чем рисунки. У нее поверхность не гладкая, а тисненая, как шифер.

– Французская. Специально для акварелей. Ее размачивать можно, по мокрой работать. Разводы дает интересные. А гремит, – он взмахнул листом, – как жечь. – Замер, и, несмотря на всю свою монументальность, глянул на Петропалыча выжидательно, если не робко. Тот кряхтел, разводил руками и поводил плечами, начинал то одну, то другую фразу, выдохнул, в изнеможении опустился на диван, загреб головой со стеллажа каску, и утонул в ней с глазами. – Что ты наделал, Петропалыч?

– Да я такую носил, если хочешь знать.

– Кстати, ты в ней великолепно смотришься. Давай портрет напишу. В два сеанса. Только снимми ты ее, ради Бога.

Петропалыч повертел каску в руках и заметил аккуратную, будто сверлом проделанную, дырку на уровне лба.

– Вот оно что! Милый ты мой! Как тебя фашист проклятый! Где взял?

– Красные следопыты приволокли. Валерка их по местам боев водил.

– А может, и выжил соколик. Всякое бывало. Выходного отверстия нет. На излете задело. У меня, глянь, – он тронул пальцами едва прикрытую волосами вмятину на лбу. – Живу, хоть и с речью неважно, рисую, где сказать надо. Командир меня берег. Ему как тебе было. А мне двадцать. Он всех берег, людей на смерть посылать знаешь как?

– Не доводилось, слава Богу... У тебя, Петропалыч, поверь мне, лицо старого солдата.

– На рыбалку ходи, такое же будет. А по совести, меня под трибунал отдать стоило. Да-да. В Венгрии. Часовой стою. У пекарни. Хлеб печется. Дух такой, что с ног валит. Не вытерпел. Пост покинул, залез в печь, достал одну форму, а он еще сырой. Форму в кусты, а мякиш за пазуху. Из печки-то. Чуть пузо до позвоночника не прожгло. Когда с поста сменился, остыла. Думал, сознаюсь, когда съем. Не хватило пороху. По военному времени знаешь, что могли сделать?

– Ну ладно, уголовник несчастный, за давностью лет заслуживаешь снисхождения. Крепенького налью?

От этого чая в голове наступает сладкая истома, будто туда подкачали кислорода. Жестокый стал говорить о себе, какой открылся у него талант в детстве, Сталина по клеточкам рисовал размером в дом, из райкома машину за ним присылали, а сейчас по самобытности может заткнуть за пояс и одного, и другого, и третьего. Конечно, здесь не Флоренция, но жить можно. Эпоха Возрождения расцвела в пору жесточайшей инквизиции, а у них в театре, в крепостном, лагерном, были гениальные люди от Шухаева до Варпаховского. Не сдались, не пали духом. Я слушал художника и думал, что сучает человек, стоя за мольбертом, хочется поговорить, тем

более что голос у него великолепный и словарь богатый: без мата запросто обходится. А еще я подумал, какая это черная несправедливость, что не изобрели стихи по клеточкам сочинять, в учебных целях.

Петропалыч, взяв себе лимонную дольку, сказал, что совершил крупное упущение, не посадив лимон в горшке. Другие выращивают, лет через восемь плодоносить начинает. А тут три раза по восемь в Магадане. С лимонами неплохо получается, вкусно. Раньше за баловство считал.

Вернувшись, домой... То есть, конечно же, никакого дома у меня нет, я всего лишь гость, изрядно поднадоевший хозяину, вернувшись в свое пристанище, напоролся на раздраженный крик Володи, остолбенел, и все во мне задрожало, поплыло горячим рассолом. Оказывается, дети не кормлены, Муся – пацанка и лентяйка, сделает, когда на нее накатит, сама может раз в неделю поклевать сподобиться! А детям нужен режим!

– Ну, так что? – Я все еще ждал, что Володя разыгрывает меня и вот-вот скажет фразу, над которой можно будет всласть посмеяться. А он серьезно, никакой подначки.

– Ничего! – Потряс руками перед мой носом. – Понимаешь! Нуль без палочки! – Постоял в дверях, загораживая вход, и вдруг захлопнул ее. Или это сквозняком? Казалось, за дверью слышалось дыхание друга. Две кнопки рядом. Я нажал Еленину. Противно, когда разглядывают в глазок. Сначала он светлеет, а когда к нему прикладываются изнутри, опять темнеет. Раздумывают, впустить, или нет.

– Ну что тебе? – Просунула голову в приоткрытую дверь, шарит глазами, должно быть, считывает мысли, если они у меня есть. – Все вы оборванцы и шпана, – шепчет весьма дружелюбно. – Ну, заходи, уж так и быть. Заходи. – А теперь я не пойду. Не хочу. Тоже могу сверлить глазами. – Ну, заходи... Чего ты из меня дурочку делаешь? Ну и черт с тобой!

Дверь хлопает едва ли не по носу. Если попрошусь, пустят. Разве может быть иначе? Позвонить? Стою еще несколько минут на площадке, дозреваю, спускаюсь по лестнице с чувством, что меня окликнут и вернут.

На улице тишина и настоящий морозец. Оказывается, я пронес все пять этажей ее запах в ноздрях! А воздух сырой, будто оттепель. Весна натолкнулась на невидимую преграду и пошла вспять. Были ясные дни, таяло, а вот снежок пошел, голую мерзлую землю, как ссадину на живом теле, забинтовал. Почему-то не выхожу вечером погулять. С той поры, как у Петропалыча пробовал сырую корюшку. А вот возьму и двину к нему! Неожиданная цель делает походку бодрой, веселит. Ведь он приглашал. И не раз. Правда, не назначался день и час, то есть элемент неожиданности не исключается, как и элемент нежданности. Но что с того, что я был так долго приглашаем Володей? Устроиться куда-нибудь на работу, хоть в дворники. Завтра же. Как Ленька со Светкой будут? Да как-нибудь. Не для того же я летел, чтобы быть им нянькой.

Дверь открыл Петропалыч. Отмахнул рукой, будто выпустил со старта. Прошли в его тесную кухоньку, уселись за стол, наклонили друг к другу головы, чтобы разговаривать не громко.

– Переночевать? Об этом не беспокойся. Но не обессудь, конурка у меня маленькая, сам за шкафом почиваю, так что в спальнике придется, прямо здесь. Давай-ка, по рюмочке примем. Я, брат, в Магадан не сразу попал. После войны вернулся на Херсонщину. В колхозе работал. Там и травму получил. Конные сенокосилки знаешь? Э-эа, откуда тебе знать? – Петропалыч вдруг взял меня за голову и поцеловал в лоб. Будто извинялся. – Вот косилкой этой в лоб звезду дануло. Ну, как видишь, удачно. Зато на войне ни царапинки. Воевал и не знал, что художник во мне.

А ведь говорил, что пулей задело, сам слышал в мастерской у Ивана. Или я что-то недопонял. Ладно, потом как-нибудь.

– А вы что-нибудь... картины, например?

– Полиграфический окончил. Там три вида диплома давали. Технический редактор. Художественный редактор. И художник-оформитель. Книги оформлял. Надо было творческую работу представить. Понимаешь, макет, титул, заголовок. Кто это должен делать? Художник. Чтобы книгу взять в руки было приятно. Я с ребятами столько вожусь. Нарисовать – полдела. Да я и сам пробовал раньше почеркушить. Но где? На этом столе? Ночью? Глаза у меня ночью не видят, а утром все рано поднимаемся. На работе над душой стоят. Да как без вас-то?

Она все – таки встала, пришла на кухню, как ни старались мы не шуметь.

– До утра будете блукать, – шепнула мужу, а мне как человеку другого поколения бросила небрежное: – Здравствуйте. – Впрочем, кажется, я мгновенно осмотрен с головы до ног, оценен и классифицирован. – Он у меня жаворонок. Утренний человек. Летом надо прилетать. Грибы собираем, ягоды. По сопке припустит, не догонишь. Места знает: мы за ним вдвоем за день четыре ведра берем. А грибы – кошелку придумал себе – ящик через плечо. Валит и валит. Грузди. Прессуются так, что я не поднимаю. А я сильная. Потом разбираем, три ведра получается. А самое забавное сказать? Никто в семье грузди не ест. Ни он, ни я, ни дочь. Зачем, спрашивается, по болотам да чашобам тащимся? – Она едко, но доброжелательно хихикает, ведь и над собой тоже. – А рыбы натащит за два дня – если б только ею питаться, и то много, соседям раздаю, надоедаю.

Опять хихикает, и я решаюсь разглядеть Валентину. Красивая она? Вряд ли, но молодая, лет двадцать с Петропалычем, разница. Женился, – как удочерил. Энергичная, хозяйка дома и положения. Минута, другая, стол накрыт, и глядит на меня так пронизательно, будто эксперимент проводит. Петропалыч вносит в разговор философскую струю.

– Баранину жирную продают, австралийскую. Люди жир срезают, в мусор выбрасывают. Добро гробят. Хорошо это? А ты продавай мясо отдельно, а жир отдельно. Кому надо, купят. На нем очень даже неплохо картофель жарить. Раньше гвозди ржавые гнутые, и то купишь по дешевке. Постолы носили. Из сыромятной кожи. Взял лоскут – как тетради лист, свернул и в деготь. Кое-как вокруг ноги обернул и носи. Все лучше, чем босиком.

– Ты бы еще до нашей эры вспомнил, – заметила Валентина, это был укол, но Петропалыч, и бровью не повел.

– Я, конечно, уже старик, мало что понимаю в современной жизни. Но есть жена, дочь. Они меня поправляют. Это очень, брат, надо, чтобы вовремя поправили. На работе – начальство, дома – жена. На рыбалке только никого. Зову ее – не хочет. А вообще-то она рыбачка.

– У меня муж погиб в море. Ну да, первый муж. Рыбак был. Работа тяжелая, смертельная, теоретиков не терпит. Ладно, угомоняйтесь, ухожу.

В спальном мешке было как у Христа за пазухой: чувство теплоты, защищенности и покоя приподнимало от земли, спать не хотелось, только бы подольше это продлилось. До самого утра и дальше. С этим чувством я смогу, наконец-то стронуться с мертвой точки. Застрял я. Стал обузой. Как быстро из гостя превратиться в иждивенца, перейдя незаметную грань. Очень легко стать посмешищем, героем анекдота. Давно уже надо было уйти. Дождался. Так мне и надо! Мной овладевает странное чувство совершившейся мести. Будто отмстил сам себе.

Проснулся раньше всех, выполз из мешка, будто муха из куколки, и ушел. Некрасиво, конечно, поблагодарить надо, но вовсе не хочется глядеть в глаза Валентины и Петропалыча. Утром всегда стыдишься того, что делаешь ночью. Солнце уже встало, туман от земли клубится как над кастрюлькой, высота его с полметра. Идешь, и ног не видно. Экзотика. Куда тащусь такую рань? Завтракать? Стало быть, на автовокзал? Не хочется. И тут мне приходит в голову, что я города не видел не только поздно ночью, но и ранним утром, оттого многого в нем не понимаю. Магадан создан для утреннего освещения, серые стены вовсе не однообразны, когда отражают солнечные цветные лучи и полны оптимизма. Солнце брызжет цветом, как с кисти художника, немного слепит глаза, и этим все сказано. Наступит день, рабочий день, и вся эта праздничность уйдет. Просто не верится. Опять ветер, сырое дыхание моря, песок

на зубах. Надо ловить момент. А вот ловят меня! Посреди тротуара, расставив руки. Я ощутил присутствие друга раньше, чем увидел его.

– В загул ударился, что ли? – Володя улыбался, прямо-таки светился. – Ну, нашел себе мармулеточку? Рассказывай, не томи! – Я не разделял его веселости, и он сбавил тон. – Такой анекдот припас. Запоминай. Штурман никакое железо не повез, схлестнулся с официанткой, целыми днями просиживает в ресторане, деньги просадил, у меня кланчил. Сегодня пир затевает. И тебя звал.

– У меня дела.

– Ну и катись! Денег на билет дам! – Лицо Володи приобрело на миг выразительность тыквенной маски. Однако через минуту он рассмеялся мелким смешком. – Испугался? На работу рвешься? Кто тебя без прописки возьмет? Так что не время хвостик задрать. – И расплылся в самодовольной улыбке. – Ты хоть спал сегодня? Знаю, можешь четыре ночи подряд блукать. Иди отсыпайся, а к часу подходи в ресторан. За детей можешь не беспокоиться: Тамара сегодня приезжает.

Я проклинал эту встречу. Такие намерения были благие, и всего один небольшой разговор подкосил меня. Почему мне плестись послушным рабом? Оглянулся по сторонам и, крадучись, направился к старому дому с просевшей крышей, чтобы пожать руку Петропальчу.

– Извините, ушел некрасиво.

– Сейчас чайком поправим. У меня все готово. – Петропальч ждал, когда дойду до кондиции, чтобы продолжить ночной разговор. – Я, было дело, девочек учил, в ФЗУ. Они табунком, а я молодой. Строим, строим, говорят, людям, а когда себе? Маляры. Славные. Глупое понятие было. Жалел всех. Думаю, на одной женюсь, а куда остальным деваться. Так что знаю я, что такое не иметь своего угла. Принижает это человека. Разговор тут один был... Есть, мол, человек один филолог, на работу принять надо, прописку в общежитии, а если с женой, отдельную комнату на двоих. Кулинарной фазанки общага. Нормальная, не заваль какая-нибудь. А на работу к нам.

Манера Петропальча двигаться по речевому морю галсами, этакой иноходью, все еще трудна для восприятия, однако понятно, у нее огромное преимущество: можно легко, без усилий, заболтать неприятную тему, попросту что-то не заметить, если не хочешь.

– Наверное, это как раз, что мне нужно. Спасибо. А о чем разговор?

– Погоди немного, доложу. Расскажешь ей, что фольклор собираешь. Она вроде это любит. А вообще-то она человек настроения, я с такими не умею. Она от всего страшется. А я от нее страхуюсь: варианты делаю. Сегодня ей одно нравится, завтра другое. Ну ладно, жди меня.

Минут через пять я вошел в кабинет главного редактора и увидел Елену.

– Ну вот, ни днем, ни ночью от вас покоя нет. Шпана, одним словом.

– Кстати, шпана – это спана, испанец.

– Да? Мудрец! Будешь у нас работать? Вот так играть в слова и получать за это твердую ставку. Ну? В таких случаях говорят, надо подумать, с женой посоветоваться. Кстати, где твоя жена? Отвечай, в конце концов, не думай корчить из себя Зою Космодемьянскую.

Вот он, административный юмор в натуре! Чудеса в решете! Я вышел из крохотного кабинетика Елены, там покатым пол, и на посетителя наваливается стол. Наконец-то дело строилось с мертвой точки. А если честно, я ведь не расшибся в лепешку в поисках своего хомута. Надо заглянуть к Петропальчу, чтобы с ним молча посоветоваться. Он выклеивал заголовок очередной книги, настриг букв покрасивее из разных журналов, чтобы от провинциального духа уйти. Обложку ребята нарисуют, а вот шрифт – на это особая подготовка нужна.

– Своеобразная она очень... Как с такими работать?

– Не в этом дело. Утрясется. Самое страшное, знаешь, было когда? Я за колючкой сидел. Не то чтобы Майданек или Дахау. Понастроили у нас, на Украине концлагерей на скорую руку,

туда и загремел, – шестнадцати не было. Два раза убежал. На второй не поймали. Судьба такой подарок сделала. Самое страшное: могли мучить, и вдруг бы не выдержал боли и предал? Как подумаю, жутко становится. Я это иногда во сне вижу, вскакиваю. А ты обязательно пиши, не бросай, а то с ума сойдешь. Стихи или что там, анекдоты, обязательно! Не держи в себе!

Ну, вот поговорили, называется! Обалдевший, посидел несколько минут и ушел, после такого откровения мне сказать нечего. Наверное, он мне особое доверие оказывает? Ладно, потом разберусь. Пойду-ка знакомиться с Тamarой. Я тоже выдам ей свою тайну. Душа горит и просит в морду. Если своя жена отсутствует, то с чужой посоветоваться – в самый раз. Мужики делают, на скорую руку детей, ускользают от баб к другим бабам, и воспринимается это как натертая до блеска доблесть. Другого я не видел. Мой отец тоже ушел, не передав мне какого-то важного секрета, и мне приходится учиться на ходу, набивая шишки, ладно бы я, другие страдают.

Вот я, опустошенный, стертый усталостью в порошок, еду из военного городка на трамвае к беременной моей женщине, слабенькой, бледной, как росток картофеля в подвале. На самом деле, конечно, эта живая ниточка могла пронзить железобетон, и я это знал. Буду кормить ее с руки, как птицу, только бы добраться, в конце концов, сквозь трамвайный хлад до ее душистой шеи.

Только что вернулись с ней из деревни. Дарья с мужем знали меня с рождения и почитали за почетного сына. Мама уехала к ним ранее, так и не прервав молчаливой ссоры. Прodelав за пять часов на автобусе с моей царевной сто семьдесят километров, идем по ночному лесу, каждый волосок на теле отзывается дыбом на шорохи и хрусты. Царевна несет подарочный веник из стеблей проса, такие можно купить только в городе у заезжих узбеков. С ним ей не так страшно, если попадутся волки.

Нас отпаивали, откармливали два дня, в это своеобразное свадебное, без свадьбы, путешествие. Дарья пекла хлеб в русской печи, от белых румяных булок исходила особая энергия, не только тело, но и душу бросало в жар, водка катилась легко, и я почти отошел от непереносимого холода. Неделя за неделей ледяные лучи пронзали насквозь, заставляли цепенеть мозг. Я где-то вычитал, что такое состояние называется окопной лихорадкой. К статусу литараба военной газеты очень подходит. Каково же ей!

Проникающее, врачующее тепло деревенского дома, экологически чистая тишина оживляли каждую клеточку. Женщина моя расправила перышки, стало отчетливо видно, что она готовится стать матерью. Потенциальная бабушка, поняв это, сжалась, посуровела, я так и не дождался, чтобы она бы разулыбалась и подобрела. Это хуже любого холода.

Когда возвращались из деревни на автобусе, казалось, городские проблемы сами собой рассосутся, нужно только заключить семейный союз, чтобы было основание требовать место под солнцем. У меня хватит решимости поставить вопрос ребром. Ребром Адама, хочется улыбнуться мне. Вот и вокзал. Выходим из автобуса, Я уже научился поддерживать и ловить ее, не ощущая себя смешным. Она шагает со ступеньки, не много недоворачивает ступню, охает и повисает на моей руке, сжавшись от боли. И будущий ребенок тоже вздрагивает, я это чувствую, искры сыплются у меня из глаз. Я будто бы предвижу на миг то, что случится – маленькую холодную смерть для крохотной девочки, в час рассвета.

Видит Бог, я хотел так: чего-то добиться в жизни, получить за труды квартиру, обставить ее, купить себе костюм и уже тогда жениться. Правда, ни с кем не делился этим планом, поскольку оставался бы холостяком до пенсии. Тащусь на задней площадке трамвая, гляжу в процарапанный сквозь толстый слой инея глазок, он затягивается мутью людского дыхания каждые четверть часа. Почему же внутри холоднее, чем снаружи? Или мне это кажется? Если в вагоне много людей, их дыхание, видимое благодаря холоду, вызывает у меня неприятное ощущение подглядывания внутрь человека. Лучше уж глядеть сквозь прогалину, взгляд, как железом по стеклу, тащится по серым, мышиного тона, рваным городским пейзажам. Столбы,

заиндевелые бока трамваев, не живые, либо озверевшие физии. Зима в моем городе – кошмарный сон: серый снег, похожий на нафталин, какой-то режиссер, я помню, рассказывал, как пришлось снимать зимние сцены летом, насыпая нафталиновые сугробы. Думаю, вонь была страшная, и моль в радиусе ста километров отдала концы.

Моя будущая жена, а сейчас наше гражданское состояние зафиксируют, совсем не выносит зимы, к тому же, она одета так, будто артистка, и ей зимой понадобилось сниматься в летних сценах. Ее бархатное платье защищает разве что от чужих взглядов. Бархат, как бы ни был нов, кажется вытертым. А этот, в самом деле, старый, немецкой работы, садняще пахнет нафталином. Дождался часа, чтобы скрыть юные женские ноги, но не дать тепло. В этом он соревнуется с тоненьким пальто.

Она идет впереди меня вдоль трамвайной линии, исподлобья глядя на одуревших от мороза прохожих, смотрят ли они на нее, а если смотрят, что на них производит большее впечатление – платье или новый японский платок, в который вбухала всю получку. В нем она слегка похожа на японку, но не всем они нравятся. Многим как раз по душе полноватые сибирские матрешки. Кровь с молоком – радость вампира. Издалека все видится иначе. Кажется, у меня уже не разрывается так, как прежде, сердце. Я сержусь на себя за это. Но и радуюсь. Обещаю, не повторю своих ошибок, честное слово! Мне вовсе не нужно ничего никому рассказывать! Ну, приехали в загс на трамвае, делов то! Чтобы прийти к этому выводу, мне пришлось два раза обойти дом Остроумова, остыть. Вот и кончилась наша с Володей последняя зауниверовская сессия!

Тамара совсем не такая, как представлялось. Да и не представлял никак. Даже фотографию никогда не видел. Какая мне разница! Виновато гляжу на нее, будто она могла подслушать мое мысленное восклицание. Однако хозяйке дома, похоже, тоже плевать с высокой башни и на меня, и на мои обстоятельства.

– Так говоришь, побултыхал на магаданской земле, – пародирует она скандальную бабскую манеру, одновременно замачивая белье и вытирая нос дочке. – Дома не ночуешь... Аж на автовокзале доложили. Вовремя подоспел, к чебурекам. Руки мой, накормлю до упаду. – В дверь позвонили, и я получил возможность увидеть, насколько она проворней меня. Так хозяйка ведь. Обрадовалась пришедшему, поцеловала его в лоб. – Серега, с ума сошел, столько пропадать?

– Я из Конергино на пару деньков примотал, – Серега протянул Тамаре цветы. – Госпожу агрономшу поздравляю. Там пора самая горячая: отел. Завал полный. Оленинки притащил. Ты погромче, а то оглох я с этим вертолетом.

Серега был как с другой планеты. Молодец, что приволок букет. А у меня с цветами несовместимость, жене подарил в жизни одну розу, да и та пропахла табаком, пока ждал ее опаздывающий поезд. Я рассказал ему о своей затее со сбором фольклора.

– Этого добра у нас навалом, – сказал Серега. – Один в Беринговский тещу привез, дорога дальняя была – морем. Вышла она, увидела локомотив, который строители приспособили для оттайки грунта. Ну, говорит, зятек, прокатил ты меня с ветерком. Знала бы, что здесь железная дорога есть, ни в жисть не поехала бы на пароходе.

А еще есть история о колхозной печати, приклеенной не к деревяшке, а к кусочку кожи. В один прекрасный момент ее проглотила собака. Три дня глаз с нее не спускали, вся руководящая хозяйственная жизнь замерла. Зато когда, благодаря естественному течению физиологических процессов печать наконец-то благополучно появилась, наступила всеобщая радость. Тем более что она ничуть не пострадала и еще долго венчала важные денежные документы. А собака – это была чукотская лайка размером с лошадь, получила новую кличку – Контра лохматая.

Поев чебуреков, Серега оттаял и напоминал сироту, усыновленного богатыми добрыми людьми. Знаешь, сказал он, в Якутии еще веселее было. Как прилетел в порт, один кент под-

валил: надбавками интересуешься? Пять штук надбыбал, по двадцать пять рублей штука, уступить может, поскольку на материке без надобности. Некоторые лохи покупались на эту лажу, а я уже ученый был, послал куда надо.

И вдруг нестерпимо захотелось в туалет, в Якутске это счастье на улице, отдельный деревянный объект. Мороз давит под пятьдесят, туман, ничего не видно. Можно было бы и так, нарушить общественный порядок, если б не боязнь примерзнуть к струе. Открываю дверь в объект, а там вроде как в предбаннике, или, если уж точнее, в предфекальнике, вповалку лежат люди, без разбору полу и племени. Как же быть-то. На виду у всех облегчаться? Пока секунду размышлял, хриплый, пропитой, луженый голос мерзко, но дружелюбно пропел: закрой, падла, холод не пускай... Или забыл, гад, как это делается?

Самолет ждал на Батагай. В кассу стою. Один на Москву просит два билета. Нет билетов, усохни. Ну, как нет, мы же из БДС? Поломалась, дала. На любопытство ее купили. Что такое БДС? Вот-вот лопнет, если не узнает. Бич дальнего следования!

На реке Адыге гидростанцию строили, в первом десанте. Горная река, сколько с ней мороки. Двое на лодке поплыли, перевернулись. А по берегу гидролог идет, Василий. Кричат ему эти кандидаты в утопленники: мужик, механика вызови, пусть помощь прийдет. А я, говорит, новичок здесь, второй день в экспедиции, я вашего механика не знаю. Чуть концы не отдали мужики.

Эти же чудачки увидели сохатого, форсирующего реку. Спустили на воду дюральку и устремились вдогонку, как иголка за магнитом. Лось – он и есть лось. Прет, как танк. Но и дюралька с мотором, настигли зверя. На середине течения одержали над скотиной предварительную победу. Выбился из сил сохатый. Ребята к нему, как к дебаркадеру пристают. Мотор глушат, нечего, мол, повожать, пусть как следует, вымотается, голой рукой возьмем. Кстати, кроме голых рук ни фига. Ни пистолета, ни ружья, ни ракетницы. А пойманный лосьяра, медленно, но безостановочно, как БТР, добирается до мелководья на другом берегу, встает на ноги, да как припустит прыжками. Охотники кубарем, в разные стороны, синяки и ссадины такие, будто их рота садистов отметелила. Дюралька по корягам, метров полтора до леса скачет, по кочкам. В щепки! Сохатый в чащобу, и был таков.

А с якутами, сколько случаев было! На ГЭС по болоту замерзшему ездили. Обязательно заруливали к Спиридону. А у него хозяйство немалое: лошади, коровы, олени. Люска любит мясо валеное, якутка – полусырое. Наготовит, лопаемся от обжорства. Возьми, Спиридон, в приемыши. Буду тебе как сын лейтенанта Шмидта.

Ну, тебя, Генка, блин, все пропьешь. Тогда давай в карты сыграем. Не соглашается: выигрешь, деньги с собой заберешь. Может, и денег у тебя никаких в помине нет, – подначиваем Спиридона. Показывает три мешка, пачки резиночками перехвачены. Якуты только между собой в карты режутся. Сегодня Спиридон выиграет, завтра Степан, дензнаки и ходят по кругу. Ему эти деньги вообще на фиг не нужны при натуральном хозяйстве. Ну и играли бы себе на фантики.

В Батагае с зеками подружился. Был там один Николай Иванович, сам из Одессы. Голова! Освободился, в артели председателем заделался. На материк не выпускали. Веселый, однако. Вот бы тебе кого раскрутить! Рассказывал, как их пригнали в Якутск, по воде, а как река замерла, пешком по этапу. Построили в линейку: водители, три шага вперед. Кто баранку ни разу в руках не держал, и то шагнули. Человек четыреста лихачей нашлось. Повели их машины получать, на самом деле от колес баллоны. Чтобы их катили впереди себя. Команда: по машинам! Поехали! С километр пройдут, баллон один спалит на сугрев и опять по машинам.

Пришла пора, жене Николая Ивановича дали разрешение вернуться в Одессу, а ему тоже послабление – до Якутска. Оживился, еще больше перстней и печаток на ручищи нацепил. Не унывает. Зайдешь к нему просто так. Пить будешь? Вот ящик водки тебе, вот коньку. Наливай. Дочку женил на первом секретаре райкома. Молодоженам аж двухкомнатная квартира,

тогда такое редкость. А сам жил в уродском доме. Что не поменяешь, спрашивают. С начальством породнился? Не упускай шанса.

Дурачок, отвечает. Ты глянь на мое окно. На него четыре улицы сходятся. И все красотишки прямо на меня идут. Постоял я, поглазел, и, правда, идут две девки лет по восемнадцать. Форточку открыл: «Дуня! Глаша! Солнышки! Милости прошу!» Заходят, тары-бары. Шампанское. Полнейшнл! Баба Даша говорит: тебе эти девки боком вылезут. Через них погибель примешь. И правда. Как-то нажрался ночью, шарахается по дому. Трубы горят, а где и чем залить, не соображает спросонок. Женка погреб открыла, проветрить. Дом-то на сваях. Провалился в погреб, и крышка захлопнулась. Как заорет. Но через несколько минут нашел выход и на крыльце душевно напевает.

Баба уехала в Одессу, и повадился он в Якутск на вертолете летать: 340 рублей час. Посадочных мест семнадцать, а садит человек двадцать пять: кататься. Пока в ресторане накрывают стол, ломает комедию: с папочкой под мышкой, представительный, вальяжный. Граждане бичи, выпить не хотите? Пойдемте, как главный инженер Якутдорстроя я вас нанимаю.

С трех сторон въезды в аэропорт, строители ладят ограждения. Ушли на обед, побросали шанцевый инструмент и отбойные молотки. Так этот липовый главный инженер бичевне команду дает: дорогу перерывать, тут и тут. По двадцать пять рублей на нос. Кому тьфу, а этим целое богатство. С этой публикой на что-то доброе рассчитывать невозможно, а коверкают дорогу с трех сторон усердно. Продолжайте, еще получите. Рады стараться. Заканчивает обед, расплачивается с бичами, садится с кофидой на вертолет и улетает. Через неделю та же история. Никто в толк не возьмет, что за олухи дорогу перерывают. Бардака у нас, конечно, немало, но откровенного вредительства не было замечено. Наконец, копальщиков застают на месте преступления. И вышвыривают одессита из Якутии, сбывается мечта идиота.

Есть еще историйка о том, как Шах Пехлеви приезжал в Батагай, о чем ни строки не было в газетах. Они с принцем Чарльзом страстные охотники. У англичанина трофей – горный козел – с рогами 103 сантиметра. На Батагае были и побольше. Проблема, где поселить этого интуриста. В гостинице отказался. Пришлось отдельный дворец сооружать. Со свитой понаехало сорок человек. Самолет Як-40, два вертолета. Ну и выиграл иранец спор, рекорд англичанина побил батагайским козлом.

Сергеа посмеялся вместе со мной и пообещал рассказать еще. А я двинул в ресторан. Вот где мастер художественного свиста! Легкий человек. Себе бы так. А почему бы собственно нет? Вот подиум для оркестрантов. Хорошенькое местечко для хохмизма. Усадить бы на него образцово-показательных едоков с хорошими манерами! Толпа зрителей, все глазают, подшучивают, а им хоть бы что, заняты собой, красиво едят и пьют под аплодисменты! За деньги. Мы вообще-то все ужасно смешные, Володя, я, Олег, и только предрассудки мешают видеть мир в истинном свете, полном розыгрыша и веселья.

– Вроде как неустойку платишь этим извинительным обедом? – По словам язвительно скандирует Володя. Олег с шумным вздохом разводит руками и втягивает голову в плечи.

– Железо от меня не уйдет, зато я женщину нашел, – закачаешься! А вот и она! Валентинка! – Мазепа смотрит на нас гоголем.

– Грандиозно, – иронизирует Володя и подмигивает мне, конечно, я узнал жену Петропалыча. – Хороший у тебя вкус. Предложение сделал?

– Ну, зачем гнать лошадей? Завтра сделаю. Она еще не знает. Сюрприз.

– Не сказал, на какую жертву пошел? Столько железа против одной хрупкой дамы. Про зарплату доложил? Или думаешь внешними данными покорить? Ладно, мне особо-то засиживаться некогда, работать надо. Я завтра тебя с ее мужем познакомлю, на рыбалке.

– Это идея. Я за вами на такси заеду. Прямо на лед проскочим.

Предошущение мороза началось во сне. Поучающий голос сказал, что северяне должны мерзнуть, чтобы выводить шлаки. Точно так же, как выпаривают их в Средней Азии. Потом я

голый лежал на льду, припорошенный снежком, и тот же голос пояснил зевакам: «Светлячков наглотался, во рту горят, как лампа».

На самом деле иглотерапия студеного ветра была значительно слабее, чем помнилось с первого посещения морского льда. Тогда у меня не было такого мощного теплового генератора, как теперь. Ледобур – соединение коловорота и архимедова винта с режущими кромками – изобретение великолепное, но для более ловких и сильных людей. Парадом командовал, как следовало ожидать, Володя, велел для разогрева без передышки просверлить хотя бы одну лунку. Тепловой энергии для себя я вырабатывал с избытком. А деловые скважины в рекордные сроки появлялись благодаря усилиям Олега. Когда Володя стал спускать в лунку леску с блесенкой на конце, я не сразу сообразил, зачем. И так уже хорошо.

Мне тоже досталась полуметровая удочка, ей нужно все время махать вверх-вниз, пока рыба не схватит блесну. Момент вонзания крючка в тело рыбы я должен почувствовать, бросить удилишко на лед и выбирать обеими руками леску, не запутав ее, а длина приличная – метров двенадцать. Рыбку стряхнуть с крючка и оставить на льду.

Олег улыбался, будто подкрадывался на морском дне к сундуку с сокровищами. Не нужна ему женитьба. На рыбалку бы почаще. Кто же первый вытянет рыбину? Можно ставить, как на скачках. Если Володя, то все обойдется, история эта. Едва я загадал, Володя вытащил навагу. Мне захотелось бросить ужение, сделаться болельщиком. А махать столько – рука отсохнет. Правой стараешься, а отваливается левая. И вдруг касание крючка, скрипичный звук на миг натянувшейся лески. Теперь уж не сорвется! На крючке нечто такое, что и в лунку с большим усилием проходит, как поршень, выбрасывает изрядную порцию воды.

– Налим. Давай сюда, лови следующего, – голос Володи теплеет. Нежная интонация старшего брата. Давно ее не слышал!

Олег навертел еще несколько дырок в ледяном панцире, метр с лишним толщина. Я не утерпел, обмочил палец и на язык. Соль. Вода в лунке колеблется, а если топнуть, вздрагивает. Рыбачат со всеми удобствами, кто во что горазд. Палаточки над лункой! Печурки! Разломанный телевизионный кинескоп. Стеклопанель вынута, а черная жесть растробом накрыла лунку, благодаря этому виден небольшой участок морской воды, и там, как на экране телевизора, шевелят плавниками наваги.

– Наконец-то, Петропалыч! Вас не узнать!

– На рыбалке все неизвестное. Захотелось увидеть, как они там живут. Думал лампу в воду опустить. Оказывается лучше лед затенить. Вот погляди, – Подсек рыбешку, вытащил из «телевизора» на лед. – Хошь? На, дерзай!

Я без труда повторил. Подошли Володя с Олегом, понаблюдали.

– Патент брать надо, – сказал, как бы шутя, Володя.

– Если установка продается, я куплю, – подхватил Олег.

– В жидкой валюте, – сказал Петропалыч.

Олег вынул из внутреннего кармана никелированную фляжку. По форме она напоминала самолетное крыло и прилегалась к телу.

– Вот видишь, извилиной шевельнул, и фляжку заработал. Так может быть, лучше билеты на это зрелище продавать?

– Тогда мне два билета.

– Э-э! Почему все время только тебе? Купец нашелся.

– Я же шутя. Ну, давай обмоем это дело, – настаивал Олег.

– Помнишь, обещал я фирменного? Сейчас попробуешь. – Петропалыч демонстративно обращается лишь ко мне, но чуть громче, чем следует. Чай обжигающий, горячая волна поднялась в голову и опустилась в ноги. Это напоминало врачебную процедуру. – Согревает. Правильно. А спиртное на льду нельзя. – Он помедлил и спросил с неприязнью: – Вы будете?

– Глоток, – Олег отпил, выдохнул облачко пара. – Хорош чай. Мы у себя в ледовой разведке тоже крепко завариваем.

Потолковали, разошлись по лункам. Как ни занят, как ни самоуглублен, вслушиваясь в ход рыбы, все равно посматриваешь по сторонам, видишь, как идут дела у соседа, кто подошел новый, а вдали, на другом берегу бухты – торговый порт, когда только туда съезжу? Совсем недалеко рыбный порт и плавбаза, на которой я уже бывал. Рядом база подводных лодок, но это большой секрет. Вдали, где вход в бухту Нагаева, видна полоска открытой воды, зовуще синяя под солнечными лучами. А к северу город поднимается по склонам одноэтажьем частного сектора. Все, кто на льду, связаны друг с другом, будто одна бригада: перезнакомились, сдружились, я новичок, мне тоже свой шесток, срок испытательный.

Петропалыч пригласил всех, а если откажемся, обидится. Валентина предстала вялая, должно быть, не ожидала возвращения мужа с кодлой.

– Кстати, познакомься, Валя, это Олег. Небесное создание.

– Я помогать буду, ладно. Посуду мыть. Я мойщик посуды первого класса. Рыбу чистить умею.

Валентина посмотрела, не шутит ли. И вдруг рассмеялась. Олег снял пиджак и ушел на кухню. Петропалыч усадил нас с Володей на диван.

– Вот так и живем. Дочке магнитофон купил по случаю, – кивнул на серенькую, морально устаревшую «Язу», стоявшую на старом телевизоре. – Высоцкий есть.

– Не надо, – сморщился Володя. – Ты извини, Петропалыч, с ногами сяду. А дочка где? – Спросил, будто прочел это в разговорнике, которые издают для изучения иностранного языка. Но Петропалыч принял всерьез.

– На тренировке. Либо у подруги. Одно из двух. Спортсменка способная. Летом в лагерь надо отправлять. В Донецк, что ли. Готовь четыреста. Одни лыжи больше сотни стоят, а форма...

Володя еле сдерживал зевоту. Я тоже. Лицо горит огнем, тоже буду копченый. Молчим. Слышен рокочущий баритон Олега, правда, слов не разобрать, женский смех. Как реагирует Петропалыч – никак. Возможно, просто устал. Или возрастное. Открылась дверь, Валентина велела раскладывать стол.

– Последние дни остаются, – пробормотал Петропалыч. – В мае навагу ловить нельзя. До сентября. Легко запомнить: если в названии месяца нет буквы «Р», навага червивая становится. Летом на окуня можно ходить. Его вялят, хранится хорошо. Мойву, когда к берегу подходит, сетками черпают.

– Яркая образная лекция, – притворно возмущается Володя. – А на гостей, товарищей своих, плевать, пусть слюной, мать иху так, захлебнутся.

– На материке тоже бывает в продаже навага, – невозмутимо на одной ноте зудит Петропалыч. – Только там покрупнее. – У нас мамонтов находят в мерзлоте. Говорят, мясо съедобное. Собакам на пробу давали. Понял? Так и с навагой этой, лежит и лежит в холодильнике. А тут свеженькая. Ну и приготовить надо уметь. Станешь жарить, хорошо сковороду нагревай. Просоли, в муке изваляй. Масло растительное, но немного и сливочного. Корочкой схватится, тогда жар убавляй. Луком щедро посыпай.

– У меня мать никак не могла приноровиться, все лягушкой отдавало.

– Ты, что ли, не ел лягушек? А меня накормили. В поезде. Старик один. Колхозники этих лягушек выращивали, мариновали и во Францию поставляли. Лапки задние. Я банку с этикеткой видел, убедился. – Тем временем открылась дверь, и на столе появилась дымящаяся сковорода. – После рыбалки, как после бани, – воскликнул Петропалыч. – Где же наши запасы стратегические?

Вот когда пригодилась фляжка Олега, пущенная по кругу. Глотнул, жую хрустящие плавники, наконец-то дождался. Сладит, как всякая морская рыба. Йода много. И фосфора. Выпьем за таблицу Менделеева!

– Хозяйку надо расцеловать, – сказал Олег. – А давайте махнем ко мне в берлогу. – Как она скажет, так и будет.

– Господи, да отстаньте вы все от меня! Придумают же! Черти что!

Я глянул на Валентину, на Петропалыча, опять на Валентину. Ничего не понял. Может быть, Мазепа на кухне ей все уши прожужжал и надоел? А Петропалыч просиял от слов Валентины, налил всем и предложил выпить за здоровье единственной дамы, и голос его прозвучал уверенно.

– Грибы надо поставить, всегда про грибы забываешь, Валюша. Бруснику. Капусту мы научились по-корейски, с красным перцем, солить.

Часа через два слова, брошенные Олегом, дали всходы. Решили ехать к нему, и немедленно. Жил он в поселке Сокол, в районе аэропорта. Дорога, которую не назовешь близкой. Добирались на словленном «рафике». Олег вел непринужденный разговор о буднях Аэрофлота. Летчик ведь по сути дела тот же шофер, он и социальное положение пишет: «рабочий». А штурман – это инженер, со всеми вытекающими последствиями. Водитель спросил, что же может вытекать конкретно.

– Все, – отрезал Олег. – Вплоть до расстрела.

– Ну и сколько же раз вас расстреливали?

– Машина у тебя хорошая, – сказал Мазепа. – Жаль, что населению не продается. А то бы собрал друзей, повез! всю страну облазить можно.

– Страну поглядеть не проблема. Мы на двух «Жигулях» с другом до Черного моря доезжали. Две семьи. И штурман нам не понадобился.

Олег пропустил слова водителя мимо ушей, фантазия его сделала новый крутой изгиб:

– Нет, я бы хотел личный самолет. Двухместный. Жаль, не выпускает промышленность. И гордо крутанул головой. Водитель оказался не менее заядлым спорщиком:

– Самим можно сделать. На дельтаплане доводилось летать? Секция у нас. Мотор к дельтаплану прилаживаем, и вперед.

Жил Мазепа в комнате еще меньшей, чем Петропалыч, и спасение его было в одиночестве. Ну, медовый месяц провести, – куда ни шло, а с появлением малыша теснота этой квартиры стала бы очевидной. Он и назывался «Дом для молодоженов». Олег включил японский магнитофон, который мне нестерпимо захотелось потрогать, открыл бар с самыми разнообразными бутылками:

– Выбирайте. А закуска будет моментальной. Паштет из гусяной печени, тресковая печень, икра, крабы. Вскрывайте банки, я за хлебом схожу. К соседке. Валентина, хозяйничайте тут. У женщин лучше получается.

Олег ушел, я принялся крутить его магнитофон, Володя открывать и закрывать дверцы полированной стенки, Валентина оглаживала ковры, Лишь Петропалыч безучастно восседал в мягком кресле с колесиками.

– Согласитесь, эта квартира напоминает склад вещей, хотя и дорогих, – растерянно произнесла Валентина.

– Ну конечно. Без женской руки живет, – согласился Петропалыч. – Странно, что такой видный мужик холостякует.

– Ничего странного, – возразил Володя. – Струя такая пошла: не жениться. Человек развелся, драму пережил. Разочаровался в прекрасной половине. Что не так?

– Струя, говоришь? Мутная это струя. Я тоже долго не женился. Ну и что? Думал, на ноги стану, обзаведусь... А тут чего только нет – на всю катушку. После войны казалось, счастье, вот оно, привалило, куда уж дальше лезть, не понимал я этих, которые локтями других отти-

рали. Два раза подряд нельзя насытиться. Время в войну не так шло. От боя до боя вечность, а в мирное время – замелькали годочки, глазом не успеваешь моргнуть – пятилетка. Казалось, счета годам нет, а старость уж.

Вернулся Олег с булкой хлеба, суетился, угощал, травил анекдоты, смеялся, вел себя легко. Или он попросту был влюблен в чужую жену? Скоро он заболтал Володю, доведя до икоты, Петропалыч задремал в кресле, мне же Олег выдал несколько кассет и стереонаушники, а отвоеванную мирным путем Валентину принялся развлекать разговорами, она беззаботно смеялась, отчего у меня внутри холодело. Я снимал эти стереонаушники, чтобы понять, о чем они, тотчас пылали уши. Может, нужно было разбудить Петропалыча и заострить, так сказать, внимание? Правда, есть риск оказаться в глупом положении. И немалый. Я это понял, когда Олег осторожно снял с меня наушники и перенес меня на тахту. Володя уже покрывал на ней. Проснулись в шестом часу. Олег был уже одетый и побритый.

– Что же вы так? Надо было нас выпроводить, – ворчал Петропалыч. – Не хорошо. Устроили ночлежку. Выпроводил бы и все. Сегодня же рабочий день.

– Прекрасно успеете. Позавтракаете, и помчимся. Прямо на службу. Мне, кстати, тоже в город. Не волнуйтесь, сосед подбросит с ветерком. – Помолчал и в ответ на недоуменный взгляд Петропалыча добавил: – Она уже уехала.

Петропалыч что-то пробурчал, но сдержался и даже просветлел:

– Я вот мужиков спрашивал вчера, а сейчас тебя хочу спросить, не женишься отчего?

– И мудрить нечего. Женщину не найду. Подходящую по нраву.

– Хорошую? Да разве плохие есть? Что-то не встречал.

– Есть. Жена моя бывшая. До денег больно падкая. Что получил – все до копейки отдай. Личной наличности не имей. До нитки мужика обобрать. Не за тебя, а за зарплату твою выхоят. Порассказать, не поверите...

– Семья – один котел... Ну ладно, а хорошая тогда, по-твоему, какая?

– А как ваша Валентина.

Петропалыч тихонько, в трубочку, посмеялся, будто бы шуточка такая. У меня от сердца отлегло. Умиротворенный, ехал в машине и даже закрыл глаза, а когда прижало к борту на повороте, вспомнил вчерашний день и исчезновение Валентины. Где она была ночью? А где Олег?

Через час волнение за чужого человека притупилось, устал жечь сердце. В конце концов, страдания и сострадания могут подождать. Я же устраиваюсь на работу. Впервые за много дней сел за стол – заполнить документы. Руки и спина тихо ныли от радости, вспоминая забытую позу. Перебирая свой жизненный путь, удивился, сколько сменил работ. Летун настоящий, подумалось без самоосуждения. Приятный день: хоть какая-то определенность. И в курилку пошел – совсем иной, чем прежде. Встретил лаборанта Коку, который так своеобразно накормил колбасой сметливую псину. Мое намерение собирать смешные случаи достало и его. Это дело лучше воспринимается народом, чем сочинение стихов.

– Слушай, снимали на заводе токаря, передовика, я еще на телестудии работал. Свет поставили, от которого, знаешь, кое-кто в обморок падает. А режиссерша Галя, такая модница. Платье на ней театральное, с глубоким вырезом. Токарь точит, оператор снимает, а она принимает позы. Вдруг от резца отрывается раскаленная стружка и прямо в вырез, в ложбинку между ее прелестями. Галя орет от боли, токарь станок стопорит, вспоминает, где у него аптечка. Ну, нашатырь понюхать дали. Очухалась, да как ударится в слезы: муж не поверит, что это не любовник поранил. Токарь говорит, справку вам дам. А кто сказал, что любовник не может быть токарем? А слесаря-сантехники вообще идеальные ловеласы. А недавно снимал одного такого для газеты, экспонометр к лицу подношу, замеряю свет. А он: уберите свою штуку, я и так сознаюсь, что выпивши.

Коку прерывает Оля или Нина, одна из двух девушек машбюро, вместе оленина. У них подломился провод от электрической пишущей машинки, а Петропалыч куда-то отлучился. Я с удовольствием нашел обрыв, зачистил, соединил, заработало. Тут же меня отловила завхоз: чем дымить, лучше бы лужу от дороги отвели, хоть болотные сапоги надевай.

Взял я лом, решил по льду наметить русло ручейка. Во все стороны полетели белые холодные осколки. Потянулась тонкая белая веревочка трещины, наполняясь водой. Минут за десять довел до конца свою разметку, и струечка побежала за наше здание, а там метров через пятьдесят речка Магаданка. Я вернулся к большой грязной луже перед фасадом и стал пробивать по своей разметке русло шириной со штык лопаты. Спустя несколько минут подошел Петропалыч. Похвалил за провод, он бы сделал так же, но позже. Мы подолбили ломом, порубали лед лопатой, и вдруг я заметил, что нитяное русло ручейка стало чуточку шире на всю длину. Вода сочилась по льду, протачивая в нем себе русло. Я радуюсь особой, долгой радостью, более сильной, чем раньше мне доставляла красивая стихотворная строка.

Петропалыч наклонился над ручейком, какой-то смущенный, наверное, ему никогда не приходило в голову сделать такую разметку, существенно облегчающую задачу. Он стал ниже, казался тщедушным, потому что выскочил без пальто и шапки. Ветер трепал редкие волосики, выдавливал влагу из глаз.

– Уеду в командировку, тебя оставлю по ремонтной части.

Все-таки это были счастливые дни: оформляешься, обываешь, встречая доброжелательность, предупредительность и другие прекрасные человеческие качества, которые обычно проявляют по отношению к новичку, будто к ребенку. Это уж потом начнут жучить. Вот и с Тамарой. Беззастенчиво пользуюсь ее долготерпением и двуличием.

– Я не типичная женщина, – шепчет она проникновенно, как на сеансе гипноза. Мы на кухне вдвоем, Володя, более чем счастливый, умотал в командировку, дети без него приуспокоились и уснули раньше обычного. На всякий случай: вдруг папа привезет подарки. Тамара обожает тишину, но пугается ее, не любит и праздности. – Ну и правильно сделал. Все деньги не заработаешь. А без любимого дела погибешь.

– Какое же у тебя любимое дело?

– Я женщина. Мне другое нужно. Вся жизнь в детях да муже. Вон он, какой неутомимый. Ну и хорошо, что не мямля, я не люблю. А решительность сама по себе не бывает. Без поддержки женщины...

Апрель в Магадане – хороший месяц: ясный, солнечный, кажется, через несколько дней начнут распускаться деревья, но не тут-то было: туманы, сумрак, снегопады вплоть до второй половины месяца – мая. На новичка это нагоняет тоску. Тамара уловила мое настроение и не хочет его сбить. Я благодарен ей, и вдруг приходит озорное озарение:

– Вообще-то еще маракую, может быть, уйду с рыбаками.

– Верно-верно. Пока холостой, надо перебеситься. Молодежь нынче вялая пошла. Без порыва. Мой вон из дому в четырнадцать лет уехал в город, а я за ним, культпросвет окончила. Помотались – на троих хватит...

Нет, не стану я забивать ей голову своими несчастьями, тем более что дело стронулось с мертвой точки. Нужно дождаться жену, пусть они подружатся. А главное, вовремя сделать разметку ломом, вода сама проточит. Против лома нет приема. Мне становится тепло и умирительно от собственной мудрости.

За весь день записал один лишь анекдот. Кока рассказывал, а ему какой-то преподаватель, отдохнувший на местном курорте. Поселок Талая – восемьсот метров над уровнем моря, и сопками укрыт, потому там нет ветра и многие приспособились загорать на лыжах. Несколько градусов мороза, а солнце все равно жарит. И вот идут однажды по лыжне, солнце скрылось за облаками, похолодало, даже снежок на загорелые спины сеется. И тут один остряк находит

выраженьице: «Цыганский загар». А что – неплохо. Народные истоки, кстати, прослеживаются. Поговорка про март, когда цыган продал, лошадь, нет, шубу.

Когда вернулся из командировки Петропалыч, я его не узнал. Где же свежесть лица, доброжелательность и готовность отозваться на шутку?

– Что такое? Интоксикация?

– Или синдром. Одно из двух. В деревню мне надо. Там тоже пьют, а пьяных нет. Если усталость, она не страшна. Работа крестьянская всю хворь и дурь выгоняет потогоном. Запоминай. Или записывай сразу. Как разменять однокомнатную квартиру. Это муж спрашивает. А она: нечего разменивать, коль не нравится, выметайся. Давно надо было тебе подать на расширение – как фронтовику. Другие вон получают, а ты все ждешь. Чего ждать-то, под лежащий камень вода не течет. Ну, нравится моя байка? А сейчас животики надорвешь. Приходит он и говорит: мы с Валентиной давно любим друг друга. Будто я отец и у меня дочь на выданье. Представляешь? А я, веришь или нет, погоди, говорю, на минутку отлучусь, приспичило по малой нужде. Так уматно вышло, животики надорвешь.

Я отвел взгляд от его лица, потому что у него сильно дергался глаз. Листы бумаги, изрисованные нервными движениями карандаша, один за другим сминались в плотный комок и летели в корзину. Это были не обычные его схемы, а рисунки! Легко узнаваемый портрет Мазепы!

– Я ж, представь себе, никогда из-за женщины не подрался. Молодой был – не время, война, теперь смешно было бы, – он рассмеялся, как от щекотки. – Ну что же мне, говорю, благословить вас, что ли? С иконой? Он аж зажмурился. Испугался, думал, шарахну чем-нибудь. А сразу не долбанул, значит, может хуже быть. И значительно, если я так спокойно говорю, значит затаился. Может быть, у меня именно огнестрельное оружие. Кто этих фронтовиков поймет.

Он и раньше не любил выставлять себя в хорошем свете, напускал на себя черный лак. Иной выпьет – бахвалится, а этот норовит гадость рассказать про себя. Может быть из-за пронесенной сквозь всю жизнь застенчивости или даже некрофилии? Возможно, здесь целая система наведения тумана? Сыграл под дурачка, вроде как легче. Дурачку не больно, ему всегда смешно, бьют – смешно, руку отрубят, умирает от хохота. Но сейчас он всерьез. Что ему делать?

– С Валентиной потолковать. Наверняка этот заяц-летяга трепался...

– К черту послала, и его, и меня. Горы золотые сулил, на руках носить обещался, ну и прочие глупости. Она вроде как смехом поддакивала и все. Какой позор, всех дураками выставить!

– Крышу не обещал железом покрыть? Конечно, чепуха. Наплевать и забыть, – мне этот вариант больше всего нравился из-за кажущейся легкости. Но как забыть-то, наверное, это трудное всего сделать. Я вспомнил недавнее свое горе. Надо не замыкаться на нем коротким замыканием, больше говорить о больном. Скажи, как у тебя зуб ноет, и боль ослабнет.

– Да я понимаю, что дурь. Умом понимаю. А обидно мне. Ладно бы не заботился, все ж им, а мало. Сердце вырви и отдай. – Петропалыч пытается обуздать дыхание, успокоиться. – Вот лихорадка трясет. Смех один. Я говорю, работа крестьянская нужна. Нарубить с кубометр дров, любая трясушка пройдет. Вот они что со мной сделали. Никогда в жизни не было так погано, фронт прошел и лагеря. Будто черти на сковородке жарят. Двое суток не могу в себя прийти. – Вот смотри, – он нарисовал круг, а внутри точку. – Здесь я, а здесь ведьмы летают. То одна ущипнет, то другая. Ведьмин круг. То жар, то гусиная кожа. Сподобился, познал на старости лет страсти. Что за лихоманка? Будто белены объелся. Теперь я понимаю, про что эта поговорка.

И вдруг он стал самим собой: щеки порозовели, глаза ожили, перестала трястись голова. Вот так в детстве беду можно было так отвести: подуть на ушищенное место, шлепнуть землю,

которая ударила в локоть или коленку. Взрослые несчастья никогда не проходят, ну разве что с нашей кончиной.

Пропал Петропалыч. Дня через три появилась Валентина с поджатыми губами. Елена вызвала меня и озабоченно спросила, не знаю ли, где он. Валентина сидела рядом нахохленная и смотрела в окно, а когда я пожал плечами, глянула на меня исподлобья и презрительно отвернулась.

– Вы же с ним говорили, после этого он ушел. А он, между прочим, хорошо о вас отзывался. Что вы ему наговорили?

Вот номер! И позором заклемила, и зашантажировала, а ведь без причины. А зацепку ей дай, как тогда? Голову открутит. Коварная какая!

– О чем говорили? Не могу же я выдавать чужие тайны.

– Ясно. Тайны! Надо же! Вбил себе в голову и носится. Бред! Один идиот придумал, другой рад подхватить. А то, что женщину этим оскорбляют, в голову не придет. Убила бы гада! – Она с яростью поднялась. Я отступил, зажмурился. Она засмеялась: – Испугался? Тебя тоже бы стоило, да ладно. Кажется, я знаю, где его искать...

Петропалыч появился в конце дня с тенью тихого прозрения на лице. Я поприветствовал его, не получив ответ. Под наркозом, что ли? А я ведь в окно заметил, как он шел, навстречу выбежал. Петропалыч прошел к Елене, и они вдвоем в кабинет директора. Застряли надолго. Еле дождался.

– Ну, поздравь, всего лишился. Клиентуру ты у меня отбил, Олег – жену. Теперь последнее отнимают – работу. Уходи и все. Хочешь – с почетом, хочешь – с треском. День такой – пятьдесят пять мне, по северным меркам пенсион положен. Ездил я к этому хмырю, не утерпел. Снова сердце огнем зажгло. Приезжаю, а он за стол тащит, лебезит. Уважил, мол, я его. Уважение нашел. Сочинитель, говорю. Андерсен. Ну и что, говорит, имею право. Мне бы радоваться, что наврал, а еще хуже. Сдавило, как железом. Вдохнуть не могу. А давай, говорит, кто кого перепьет, тот Валентину возьмет.

– Ну и кто кого? – Спрашиваю и вспоминаю свою студенческую «дуэль».

– Да, такими друзьями стали, – целуемся и плачем, цыганщину крутим. Я клятву дал, что уйду с дороги и не мешаю молодым. И как мы стали друзьями, так полегчало. – Петропалыч повертел головой и постучал пальцем по затылку. – Как же все надоело-то! Осточертело!

А дальше завертелось, Петропалыча быстренько спровадили на пенсию. Устроили вечер, памятный адрес сочинили. Звонкие барабанные речи он выслушивал с виноватым видом. Ребята-художники расстарались, изобразили у лунки в рыбацких доспехах, а лицо не стали рисовать, фотокарточку приклеили, ту самую, солдатскую. Телевизор вручили портативный – из фонда директора.

Юбиляр, с трудом перебарывая волнение, благодарил, ему хлопали, и тогда он, махнув рукой, стал, заикаясь, рассказывать, как сбежал из концлагеря и пробивался через линию фронта в Красную Армию, как командир его берет, сюда бы этого командира. Он понимал, что слушают плохо, не принято на мероприятиях столько говорить. Вот если бы встреча с ветераном была, тогда другое дело. Но он не умел себя на полуслове оборвать, а когда закончил, все облегченно вздохнули, и веселье вспыхнуло с новой силой.

Я увидел его в окно уходящим, хотел побежать, но надо же человеку побыть одному, решил я, отлично зная, что это не тот случай. У нас в Новосибирске, по крайней мере, там, где я жил, достаточно было безадресно повесить свою проблему в воздухе, и находился радатель. А здесь это нарушение свободы. На Чукотке, рассказывал мне один специалист, человек уходит в тундру, его никто не спросит, куда. Даже если он утонет в озере. Никого потом не грызет совесть. Зато полная свобода. Вот и Петропалычу надо побыть одному, пережечь в себе горечь. Магадан соплям не верит. Только мне кажется, тот, кто исповедует эту теорию, должен быть птицей-фениксом, восстающим из пепла.

Елена вытянула меня танцевать и тут же прильнула разгоряченным телом. И говорила как о решенном: издание книги живых анекдотов возможно. Это будет научная работа, и она отпустит меня в Москву поискать хорошего научного руководителя, только нужно все делать умеючи.

Неожиданно вечер расстраивается. Общее впечатление подпортил Кока, мол, когда нет виновника торжества, оно один к одному походит на поминки. Его осадил: шуточки должны иметь границы. Даже я возмутился: что же не побежал, не вернул юбиляра? А то мы обличать горазды, а действовать – не очень. Да нужно ли поднимать бурю в стакане? Пятьдесят на пятьдесят, что юбиляр уже дома, уткнулся в подаренный телевизор, пропустил стаканчик для душевного равновесия. Где-то да припасено, не мог же прийти ко дню рождения без припасов. А Валентина, скорее всего, пирог испекла. Или поварих в своем ресторане попросила, чтоб все по чести-совести, по калькуляции. Самый лучший врачеватель – мать родная, она душу вывихнутую ставит на место. Мамы нет, жена сгодится, тоже женщина. Не любовью, так жалостью вытащит из хвори. И дочка, как говорит он сам, младший персонал.

А еще старшая, которая на врача учится, а значит, душу понимающую имеет и милосердный навык. Этот факт почему-то ускользает от внимания. Просто я эту девушку никогда не видел. А она, конечно же, отбила телеграмму на красочном бланке. Петропалыч продолжает слать ей деньги, признает за дочь, хотя их отношения в связи со смертью матери пришли в не очень понятное состояние. Когда свои дети в совершеннолетие входят, мужики прекращают алименты платить, по закону, а он поступает по своей большой совести. Зато уважают женщины, которым он чинит утюги. Дочка, говорят, вылитая мать. А где настоящий отец – у него сто дорог. Петропалыч не может ослабить заботу. Он сильный, не сломается. Не должен. На рыбалку станет ходить, пропадать в тайге, а природа врачует любые раны, напитывает жилы, чтобы не надорвались. Нужно будет составить ему компанию, как-нибудь постараться.

– Ну что сидишь? – Укоризненно произносит Елена. И впрямь сажу за столом и малюю какую-то рожу. – Жалко мужика? Пропадает, можно сказать. Но что я могу поделаться? Воспитательные меры применяли? Да! Подействовало? Нет. Если я это спущу на тормозах, мне самой влетит.

– У него причина и следствие поменялись местами.

– Ну вот, милый, и ты туда же! Может быть, запьешь в знак солидарности, так сказать? Запомни раз и навсегда, у алкаша есть тысяча причин заглянуть в стакан. Ну, подумай: молодая баба ухаживает за ним, готовит, стирает его белье, терпит пьяные художества, то есть поставила на себе крест, а он все не доволен. Ладно, прекратим эти дискуссии, а пойдем ко мне в гости. Ты, я вижу, сильно переволновался. Ну, уж эти мужчины! Художественный тип. Не раскисай, Колюня. Жизнь – жестокая, но клева штука.

Квартира Елены, все такая же прибранная, прилизанная, слегка казенная, действовала на меня подавляюще. Не дай Бог что-нибудь разбить или помять. Лучше расположиться в кресле и выждать, пока возится на кухне. Затянувшаяся тишина не успокаивает, а будоражит. Будто в западне. Вышла, неожиданная, насмешливая. Обворожительная.

– На, вот, передевайся, будем пунш пить. – И бросила мне на колени что-то красное. Я развернул это и узнал доломан – гусарский костюм. Карнавал для двоих. Достала из шкафа пистолет. Бутафорский, а все равно что-то екает и холодеет в кишках. Прицелилась, как палнет! Вот оторва!

Утром, уходя на работу, я столкнулся на лестнице с окатившим меня немим презрением Володей.

– Тебя ждали, между прочим. Петропалыч сюда заходил побазарить, а ты плевать хотел. Старик к тебе явно тянется, свинтус.

Противнее всего, что он прав. Мог же нейтрализовать Мазепу на раннем этапе, а сейчас, сколько всего наворочено. Как снежный ком. Вчера бы не дать ему уйти – и все. Теперь не расхлебашь. Пойду-ка навещу пенсионера!

Валентина со злостью объявила, что Петропальч вчера загремел в вытрезвитель, с автобуса его сняли, когда на Сокол устремился. Я пообещал исполнить ее просьбу убедить деда, чтобы дурью не маялся, даром не нужен этот балабол штурман, он детей не любит. Собрался уходить, удовлетворившись крутыми полумерами, но тут появился сам виновник вчерашнего торжества.

– Ну, пришел, говоришь? Я теперь не ваш. Прорабатывать меня нет нужды. Кого до пенсии не воспитали, того поздно уму-разуму учить.

– Я виноват. Больно неожиданно все подкатило, растерялись. Не надо было вам уходить. Но жизнь продолжается. Валентина – мудрая женщина, стоит к ней прислушаться.

– Значит, она теперь через меня свои махинации проворачивать будет? То ей холодильник в ветеранском магазине для соседки купи, то комнату охлопочи. Может быть, спекулировать от скуки начать? Ребята затем жизнь свою отдали? Или, может быть, думаешь, что я на фронте не был? Боевые медали на барахолке купил?

Валентина слушала наш разговор, я это знал, Петропальч тоже. Разговор на публику. А что я ему скажу, когда мы останемся один на один?

– На рыбалку будем ходить? Солнцевы уезжают насовсем. Много народу разъехалось. А мне, знать, здесь умирать придется. Ровесников война выбила, будь она неладна. Надо с молодежью уметь дружить. А как?

Я вдруг ощутил боль этого человека, особого рода сиротство. Вспомнил Мазепу и почувствовал, как стало жарко моим щекам.

...Елена с удовольствием отчитала за самовольную отлучку, и на лице ее не было и тени улыбки. Мне почудилось тогда, что для торжества дисциплины она может собственную руку отрезать. Я занялся книжкой об оттайке грунта искусственным дождем для золотодобывающих драг, описание метода, защищенного авторским свидетельством, показалось мне гениальным, я с удовольствием размышлял, что участвую в хорошем, полезном деле. Пожалуй, такая работа даст мне столь необходимое самоуважение, которое основательно порушил Володя и кромсает Елена.

Но бороться с ее влиянием не могу. Вот я подпираю подбородок согнутой в локте левой рукой – обычная моя поза. С ладони доносится запах ее колдовских духов. Какая тут оттайка вечномерзлых грунтов! Мысль ускользает, чтобы через некоторое время вернуться в новом повороте. А в промежутке этого коловращения можно воспринять и полигоны под пленкой, и вспомнить о Петропальче, Валентине, даже Мазепе. При всем моем теперешнем неприятии, я вдруг симпатизирую ему. Вся мировая литература на стороне удачливого любовника, а обманутый муж смешон и жалок.

Украдкой гляжусь в зеркало. Такую красную рожу поискать. В детстве, в пятом классе после оперы целую неделю болел. Какой был спектакль? «Отелло»? Нет, «Царская невеста». Там тоже ревности и убийств выше крыши. Бедный Петропальч, за что тебе на твою седую голову!

Я твердо вознамерился встретиться с ним вечером, но Елена вновь воспрепятствовала. И назавтра то же самое. Я посмеивался над роковыми страстями, но это себе дороже. Не сносить мне головы.

Петропальч ничуть не кривил душой, когда выступал в роли оптимиста-шапкозакидателя. Но это была эйфория, связанная с принятием алкоголя. На трезвую голову он сник, приуныл и даже растерялся. Столько, казалось бы, сделал добра, а никому не нужен. Соседки, которым центнерами переносил рыбу, ремонтировал бытовую технику, братья-художники, рыбаки-любители, бывшие сослуживцы от него не то чтобы отвернулись, но у каждого своя

поспешная суетная жизнь, успеть бы, натешиться, уж не до тихого пенсионера, склонного к мудрствованию и морализаторству. И тогда появились новые знакомцы, располагающие неограниченными запасами времени и умением слушать, не перебивая.

Петропалыч охотно рассказывал истории из жизни: то военные, то мирные. Пока оставались деньги. Встречи эти происходили в кафетерии, который имел в народе выразительное название «гадюшник». Пили там, не закусывая, поскольку сладковатая бурда отбивала аппетит. К концу дня у Петропалыча бормотуха подступала к самым связкам. Чтобы говорить, приходилось долго откашливать бурую саднящую слизь.

Зато он обрел, пусть не надолго, иллюзию дружбы и приятия таким, какой есть. Кроме того, было уже не страшно и не стыдно появиться дома и выслушать Валентину, если она, конечно, удостаивала прервать презрительное молчание. Алкоголь давал анестезию. В этом состоянии он был готов согласиться на операцию, потому что иногда ему казалось, что боль имеет причину в виде какой-нибудь внутренней порчи.

– Я пока что до дома сам доползаю. Вот если меня на носилках нести потребуется, тогда записывай в алкаши, – шутил Петропалыч, когда я случайно встретил его сидящим на пороге пашлычной. Я заходил туда во время очередной своей вечерней прогулки. Елена улетела в командировку, и я воспользовался свободой и тем самоощущением победителя, которое она мне дала. – А вообще-то сведи домой. Не бросай меня, Кольша. Не надо меня бросать. Ты скажи, почему бабы над нами такой верх взяли? Хоть всю жизнь вкалывай, до смерти, в доброе не войдешь. А копейка завалается, так отнимут. Разбойницы, а?

...Утро выдалось ясное, улыбочное, теплое. Петропалыч не скрывал своей радости, выражалась она большей, сверх обычного, суетливостью. Когда только такая появилась? Отвык быть действующим лицом. С этой пьянкой у него не только руки, все тело вибрировало, не находя точку внутренней опоры. Доехали на автобусе до бухты Гертнера, я высматривал ее из окна, чтобы не проехать остановку, совершенно забыл, что нам на конечную.

Не терпелось спуститься к морю. Сырой волнующий ветер налетал от воды тугими волнами. От запаха соли и свежести, от прохлады слегка кружилась голова. Мы подошли к обрыву. Открылся огромный массив воды, я отшатнулся и схватился за ствол лиственницы, искореженной ветром, хотя нужды в этом не было никакой: до края обрыва с десятков метров. На лиственнице проклюнулись свежие хвоинки. Пахло смолой и молодой травой. Слева на берегу в километре виднелись серые корпуса рыбозавода, а справа, на выходе из бухты высились скалистые островки. Петропалыч принялся объяснять мне, что сюда иногда заходят нерпы акибы, а чаек несколько видов, из них бакланы – самые крупные. Закрой глаза, и ты, будто на базаре. Громогласные! Они как воплельщицы – всю тоску твою выкричат.

– Короче говоря, для тебя это просто море, а для меня, – Петропалыч лихорадочно что-то искал в карманах трясущимися руками, – не слово, а, может быть, обычный свой карандаш, чтобы не тратить столько трудных слов. – То есть... жена моя первая. Мы здесь столько с ней бывали, что каждый камень ее напоминает. Ты бы мог вот эти валуны запомнить? Я-то художник, запросто. Как она по ним прыгала, походка легкая, как у артистки. Чайки кричат, а мне ее смех чудится. Веселая была. Понял теперь? Она рыбалила лучше любого мужика. Как воскресенье, мы здесь. И дочка с нами. Я тебе когда-нибудь фильм покажу. А помнишь, фронттовую книжку делали, на форзаце узор из камней – так это она сфотала.

Петропалыч словно не верил в возможность выговориться. Уселись на валунах-стульях, за стол-валун, я понял, это их стоянка. Он достал термос с чаем и пирожки с картошкой, испеченные Валентиной. Когда перекусили, стяхнул крошки с колен и словно очнулся.

– У моря сидим и не рыбалим! Давай-ка лодку надуем. Приходилось с лодочки на блесну? Тогда завидую: впервые, значит. Как первый поцелуй.

Он накачал лодку с помощью «лягушки», и я поразился, насколько это азартный человек. Он отдавался работе весь, не только спина или руки, у него мышцы глаз тянули рыбу из воды.

Первый короткий замах полуметровой удочки, и из моря выдернута бледно-зеленая наважка. Это нечаянно, дуракам везет, но вот еще один бросок, и опять рыбешка.

– Навагу нельзя, – вспоминается мне.

Петропалыч улыбается, как ребенку. И я забываю обо всем. Две секунды на рыбку, еще меньше. Тридцать, сорок, сотня наважек, налимов, камбала. В руке усталость. Можно левой попробовать. Тоже небывалый результат. А он уже не ловит, смотрит на меня, сопереживает. Когда выбрался из лодки, меня слегка покачивало, будто во сне.

– Говорят, на уху можно не чистить. Пусть сами с соплями едят.

Он надрезал складным ножом голову и вместе с внутренностями отделял от рыбьей тушки, без замаха сильно бросил над водой. Ближайшая к нам чайка бросалась за угощением и схватила его в сантиметре от поверхности воды. Все громче крик чаек и плеск волн, свист ветра в волосах. Чудится, что перебивать голоса природы бестактно, говорю шепотом. Может быть, ему и впрямь уехать куда-нибудь в дальние края, как большинству из нас, устремившихся на Крайний Север, к черту на рога начинать с нуля? Мы просидели на берегу до вечера, и когда двинулись к автобусу, у меня очень прояснилось в голове. Настолько, что я, казалось, вот-вот начну понимать чаек.

– Живы будем, не помрем, – сказал на прощание Петропалыч.

...На кухне горел свет. Володя вышел мне открывать в одних трусах. Я хотел ему рассказать о рыбалке, но он зевнул.

– Ужинать будешь? – Небрежно спросил, и, ничуть не интересуясь моим ответом, добавил сквозь зевоту: – Приехала... твоя. Не одна. Что молчишь?

Вдруг до меня доходит: а ведь в голосе Володи нечто похожее на зависть. Чему, казалось бы? Однако это едва уловимая его неуверенность возвращает мне душевное равновесие, и я принимаюсь рассказывать о рыбалке. Пусть кратко, но разборчиво, не съедая в спешке окончания слов. Заставляю его слушать, не перебивая, хотя и с недовольной миной.

– Кстати, Олег надумал с Севера линять. Потолка, говорит, достиг, а что на потолке делать, чай не муха.

– А Валентина что?

– Валентина? Заладил. Обычная, каких тысячи. А тебе понравилась?

– Петропалыч женился, значит, что-то разглядел в ней.

– Да он, как теленок, только большой. Он их поэтизирует, баб. Боится обидеть. Расплескать. Ну, знаешь, всякая мура. Вот и страдает. А ты молодец. Но сегодня не дергайся, выдержи характер. Пусть позовет. А ты скажи, что занят. Потом своди в ресторан. Денег дать? – Я молчал, не желая посвящать Володю в то, что его не касается. Но он мне польстил. Чего мне не хватает, так его наглости, выдаваемой за решительность. Человек должен через все пройти. – А хочешь один в комнате пожить? Женя в отпуск уезжает на все лето. Или от Лены не оторвешься?

– При чем тут это? Где эта комната?

– В центре, возле областной милиции. Один из первых каменных домов. Понюхаешься с магаданской коммуналкой. Когда-то люди одной семьей жили, а нынче нравы пожухли. Петропалыч тоже в бараке обретался. Очень уживчивый тип: всем помогает, услужить готов. А ведь кого-то хлебом не корми, дай прокатиться на чужом горбу. Во, анекдот, запиши.

...Двое суток дрых, просыпался, глядел в потолок, засыпал. Даже не ел. Один в комнате, никто не войдет, не ворвется, даже не постучит. Впервые сам по себе. В пятницу Женя собрал мальчишник по случаю отъезда. Мы с Володей заявили с белым импортным вином, вспомнили студенческие времена, когда на последние деньги любили попить в ресторане, ощущая собственную значимость на грешной земле. Володя любил пустить пыль в глаза, заставить позавидовать бешеным, как я теперь понимаю, мифическим деньгам. Сманивал ребят на Север, и я один, наивный, купился.

Женя улыбнулся, мне вспомнилось, что на материке он живет, чуть ли не в одном доме с моей матерью. Более того, год назад Володя уже знакомил нас, когда ходили в театр и пили там полусухое шампанское. Я вспомнил его жену Галю, крашенную блондинку, но тоже симпатичную, и сам спектакль.

– Если тебе что маме надо передать, так не стесняйся, я запросто.

– Ты, Жека, отвези кетину от моего имени, – попросил Володя. – Мама его мне очень нравится. Да и тебе тоже, помнишь? А денег не хватит, вышлю.

– Само собой. Кстати, знаешь, у меня в тот отпуск приятный казус произошел. Деньги кончились, вина выпить не на что. Надеваю с горя другой пиджак и нахожу в нем сотню. Пустячок, а приятно.

– Ты вон ему расскажи. Хохмы записывает. Хочет книжку издать.

– Да, такая бы вмиг разошлась. Был у меня один знакомый, тоже в тетрадь заносил секретным кодом. Две тысячи собрал.

– Есть такие, что сами сочиняют. Я такие ищу.

– Не все понятные. А вот был на Атке, знаешь, двести кэмэ от Магадана. И Рыркайпий есть на Чукотке. Так вот анекдот. Встречаются в порту двое. Ты откуда? С Рыркайпия. Знаю, там ветры-южаки, а ты? Я с Атки. Знаю, там люди задом наперед ходят. Можно смеяться. То есть гораздо южнее, а ветер не приведи господи. Граница географии, Колымское нагорье там начинается, вот и ветер, там бы ветростанцию поставить. – Женя слегка рисовался, но меньше, чем мы с Володей. Приедет, буду его навещать. В комнате такая тишина, что я вспоминаю вчерашние реплики громко и отчетливо, будто записанные на магнитофон.

Могло же так случиться, что так бездарно провел два выходных дня, а уже ночь, не поправишь, не нагонишь. Как там поживает Петропалыч? Ничего, встречу в конце недели. Но столкнулись через месяц. Он оброс неровной рыжей бородой и нацепил черные очки. Устроился дворником при новой гостинице. Была у него крохотная служебная комнатка, убежище. Звал его один дачу на Гертнера сторожить, корм задавать его свиньям. На эту работу обычно бичей за бутылку нанимают.

Следующие три года, за которые мы с женой создали свой хрупкий, не дай Бог, сглазить, мир, наш мальчик научился ходить и говорить, Петропалыч жил, смирившись со всем, что ему предлагали обстоятельства. Равнодушно прошел через развод, в результате которого Валентина получила комнату в своем тресте и выменяла на получившиеся метры двухкомнатную, поставила Петропалычу лежанку.

Однако он сутками кантовался в своей конуре, варил суп из пакета, а то и вовсе обходился без закуски. Научился говорить сам с собой и для себя рисовать. Альбомы с фотографиями и пакеты с киноплёнкой перенес в сторожку, но распечатать так и не решился. Однажды посетил Валентину и увидел на кухне незнакомого мужчину в майке и шлепанцах. «Ты, папаша, извини, мы с Валею тут поженились, а разрешения у тебя не спросили». Петропалыч напрягся, свекольно покраснел, но не проронил ни слова, напился воды из крана и ушел.

Вскоре он умер от остановки сердца. Когда хоронили, Валентина была в строгом черном платье, красивая и строгая, как икона. Должно быть, суетливое мелкое сошло с нее, обнажив затаенную тонкую суть, которую Петропалыч, поскольку был художником, видел всегда.

Рыбаку укор, укорище – не берется

споро – скоро, кора-корюшка...

Навага... на Ваганьковском,

Нет, Марчеканском,

Сраженный коварством,

И отчасти пьянством,

Рыбак возлежит.

И чайка морская,

Рыдая навзрыд,
Нервно кружит
Над пространством,
Где он зарыт.
Где горели старые скаты
И звенели кайла и лопаты,
Извините,
Тишины и безмолвья раскаты...
Ну и ветер соленый бежит
Кособоко,
Пепел скорбно кружа,
Над могилой его неглубокой —
Как межа.
Тонкой сажки бегут завитушки,
По грязным сугробам —
Как посмертные почеркушки,
Из соснового гроба!
Я молчу и цежу, не дыша,
Из большой закопченной кружки
Спирт.
Ша! Упокойся, же с миром, душа! —
Слышится голос бомжа...
Да его не разбудишь из пушки —
Спит!

Я не знал, что буду так горевать о нем. Сколько было потом могил в моей магаданской жизни, это первая. Кто бы знал, что скоро умрет в Москве Елена. И что в собрании анекдотов мне захочется сделать главу «Магаданский мартиролог», чтобы сохранить хоть крупицу памяти о каждом, кого знал, о нас, смешных и неуклюжих. Которые имели наглость и дерзость любить и ошибаться, мелко подличать и крупно великодушить, сокращать кому-то жизнь и себе, и так короткую, как у мотылька однодневки. Самое забавное, хоть год за полтора идет, жизни хватает не на пухлый роман, а лишь на короткий анекдот, чтобы не успеть надоест другим. Я так и не узнал, как называются ее духи. Когда появились в городе кришнаиты, (голодранцы и шпана с колокольчиками), они завезли какие-то индийские курения, которые многое напомнили, я даже два раза пробовал читать их книгу о переселении душ.

Кто же знал, что лет десять спустя, получу передаваемую из рук в руки свою книжку, которую дарил Петропалычу. На титульном листе он пририсовал мой шаржированный портрет и накалякал дрожаще: «Будешь сладким, заклюют, будешь кислым, заплюют». А ниже еще более неразборчиво: «Они хотят тебе помогать. Не верь им. Сначала они порежут тебя на куски и съедят, а потом оплачут слюнявыми, сопливыми слезами». Захотелось встретиться с Валентиной, но она, воинствующая трезвенница, говорят, умерла от цирроза печени.

О Петропалыче напоминают неожиданные вещи. Вот мы в гастрономе стоим с приятелем Валерой, стараниями его была добыта каска, в которой так повыступал Петропалыч в мастерской своего друга. У меня дела в типографии, но есть часок, который можно с пользой провести, отстояв в очереди за субпродуктами: так называются сердце, печень, мозги. Мне хочется поговорить с Валерой о скандалах с пересадкой внутренних органов, якобы похищенных у магаданских покойников, но он перехватывает инициативу:

– Ты тоже толстый. Небось, тоже ливер шалит. В самолет не пускают. А ведь смотри, какие подлецы, печень на продажу выставили, а оленьи языки куда дели? Вон мешок лежит, а из него, убей меня, он самый торчит! Девушка, взвесьте мне, пожалуйста, килограмм языков!

– Да это пересортица. Случайно попало.

– Вот случайность и взвесьте. Пересортицу. И нечего мне спину морочить.

И я туда же, надуваю щеки, строю из себя. Под шумок впервые за многолетнее пребывание в Магадане получаю порцию языков, прощаемся, историк грузно шагает к своей «Волге». Больше я его в живых не увижу.

Елена, рассказывал Петропалыч, однажды примкнула к небольшому возлиянию после работы и довольно резво выдула бутылку армянского коньяку, голос ее становился все выше и выше, доходя до щенячьего визга. Она вспоминала больших писателей местного масштаба, кому дала путевку в жизнь и в искусство. Потом открыла верхний ящик стола и вытошнила туда всю бутылку вместе с закуской. Конфуз, но женщина вспоминается именно в этой ситуации. Возможно, из-за ущербности моей натуры. Одно утешает, что, возможно, такое восприятие свойственно не только мне. Человек раскрывается и в конфузе, становится милее и ближе, не всем же подвиги совершать.

Главбух тоже умер, оставив на черных юморных скрижалях свой анекдот. Вызвали его в военкомат. Прозвучала команда: «Товарищи офицеры!» Всем надлежало встать по стойке «смирно» перед большим начальником. А вы что сидите? А я стою! Из-за малого роста это вовсе никому не заметно.

Самое, быть может, потрясающее, как умер заместитель ответственного секретаря газеты Костя М. Прямо на рабочем месте. И тогда его начальник – ответсекретарь Б.Н. – один из самых остроумных людей Магадана того времени, кстати, вскоре также поглощенный ненасытной колымской землей, сказал: «Извини, Костя, нам газету делать надо. Она ждать не будет». Отодвинули мертвого и продолжили чертить макеты и читать полосы. Газета и впрямь не могла ждать, фабрика слов дымилась и плевалась раскаленным свинцом. А шутка, согласитесь, достойна уст Нерона.

Фотограф тоже умер. Да, молодой, но что поделаешь. Уснул и не проснулся. Бывает. Довольно веселый малый, очень жаль.

Друг у него был – Алик. В гараже задохнулся. Помню, шли мы, довольно бухие, к нему домой. Он на площадке между третьим и четвертым этажом стал медленно оседать. Я его за руку тяну, а он все тяжелее. Ладно, думаю, хрен с тобой. Может быть, сердце, пойду «Скорую» словлю. Нет, сполз и нежно погладил темное пятно на полу. Кис-кис! Это пятно он спьяну за кошку принял.

А вот второй друг фотографа, Юра, чем и запомнился, так блеклыми глазами навывкате и шрамом на брови. Не оставив о себе анекдота, он ушел в тундру, пропал без вести, когда летал к оленеводам. Говорят, был голубым. Никто не спросил, куда он идет.

Один потенциальный автор, который чуть не издал потрясающую историческую книжку, весельчак с глазами навывкате, запомнился тем, что вытащил с материка свою маму, наладившую ему питание. Он резко похудел, а перед этим сломал ребро на трамплине, а за день до того застраховался, а когда выздоровел, помогал нам переезжать на новую квартиру и строил сливголазки моей жене.

Быстрое похудение – признак надвигающегося рака, и это настораживало окружающих. Однако сам он объяснял это явление иначе. Мама этого весельчака хорошо готовила. Нажарит кастрюльку котлет, он одну – две съест, а шестую нет, а десятую нет. Вот и похудел до благообразности. Пускаясь в откровения, он смешно топорщил щеточку усов и выпучивал фиолетовые глаза, похожие от блаженства на баклажанчики.

Стал болеть и уехал к себе в Черкасы, опять набрал вес и однажды, задремав у газовой плиты, пропустил момент, когда кипяток залил конфорку, а газ продолжал струиться. Он был

легкий, говорливый человек, интересовался творчеством Лермонтова, нашел в архиве ценное письмо и даже получил благодарность знаменитого Андронникова. Отравился газом, большой, грузный, забавный своими речевыми ошибками и жизнелюбием. Недавно я выбросил пришедший в негодность стол, который он втащил один, балуясь силой. Состарился уже и стол, столько лет прошло. Я выставил стол на площадку, и через пару недель его украли.

Один шутник салом подавился. Засосал, как анаконда, а проглотить не смог, поскольку пошло не в пищевод, а в дыхательную трубку. На его счастье за столом сидел доктор, сын того главбуха, который чинил у Петропалыча микрокалькулятор. Доктор, не будь трусом, схватил столовый нож, и безо всякой дезинфекции по хрипящему горлу чик! Вынул сало, спас чудака.

На следующий год тот поехал на материк в отпуск и попал под поезд, ему отрезало ноги, но тем самым избавило от раковой опухоли. А до того он строителем работал, и по роковому стечению обстоятельств в аварии лишился восьми пальцев на руках. По мизинцу осталось. Работал он на нулевом цикле, фундаменты возводил, и если дело было зимой и клали с электроподогревом бетон, он никогда не пользовался вольтметром, не любил и контрольную лампочку искать, поскольку она всегда терялась. Чтобы понять, где фаза, а где нулевой провод, прикладывал к контактам единственные оставшиеся живые пальцы, если шарахнет, то бетон греется, и товарищи по работе могут быть спокойны за высокое качество монолита.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.